

Марксизм проник в Технологический

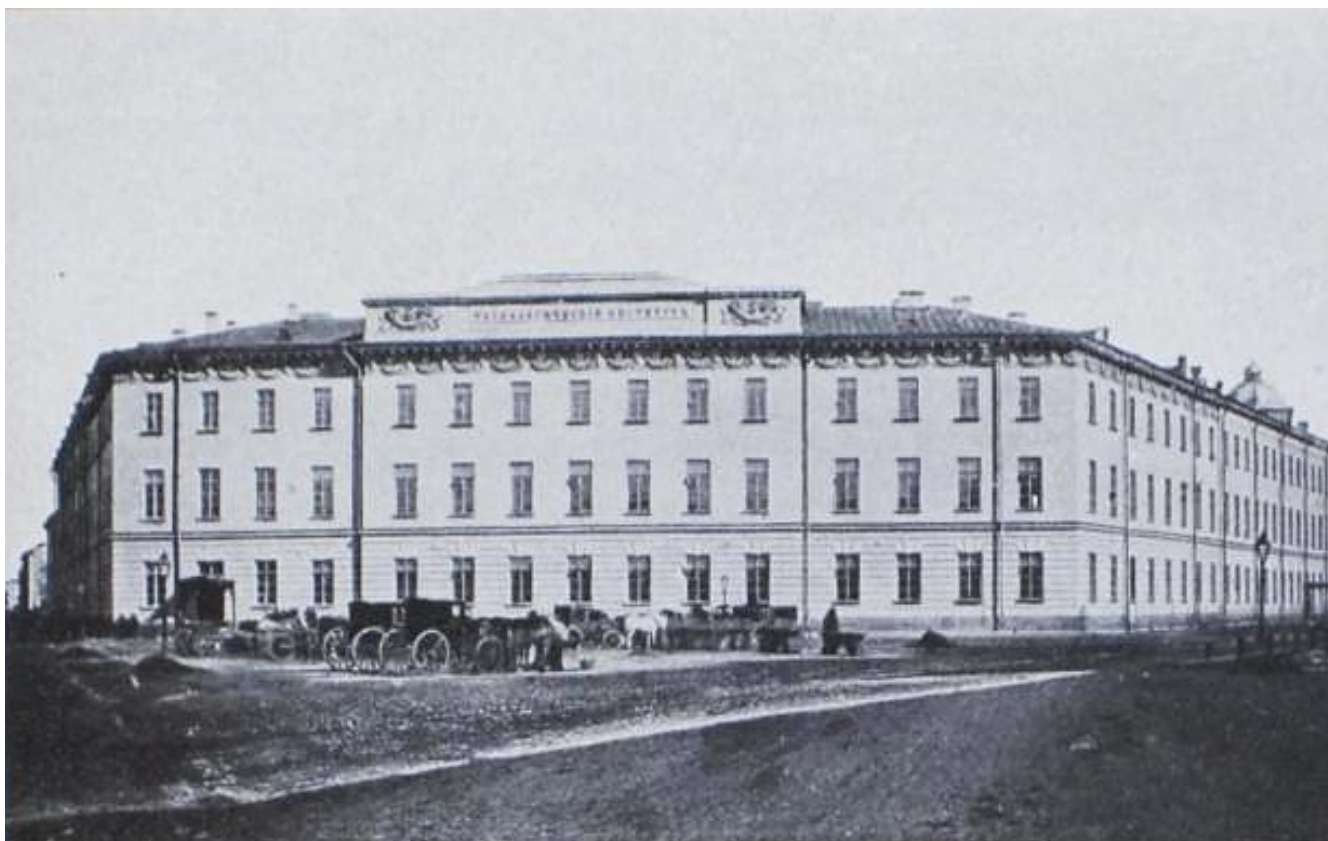
С аттестатом о среднем классическом образовании Роберт Классон в 1886 году из провинциального в то время Киева поехал в светский Петербург. Почему он выбрал тогдашнюю столицу и местный Технологический институт (а не, например, Харьковский Практический Технологический, открывшийся в сентябре 1885 года, или Киевский университет), ни он сам, ни позже его дети не объясняли.

*Роберт Классон – гимназист, 1886 г., Киев
(фото для представления в Технологический институт)*

Позволим себе выдвинуть такую, достаточно правдоподобную, версию: киевские гимназисты и «реалисты» могли встречаться на каких-то «светских мероприятиях» или же вместе прогуливаться по городу, и Роберт уже в Киеве был знаком с Яковом Коробко (последний был старше его на четыре года), который потом станет его другом на всю жизнь. А последний, в свою очередь, знал Льва Клобукова (был младше на два года Якова).

Коробко, проучившись в Роменском реальном училище, затем пробыл дополнительный год в Киевском реальном училище и окончил последнее в 1884 году. Поэтому перед поступлением в Технологический, в том же 1886 году он успел поработать пару лет на Александровском заводе в Петербурге. А Лев Клобуков пребывал в Киевском реальном училище с первого класса и окончил его в 1886 году.

*Главное здание Технологического института
(до переделки в 1898 г. и надстройки 4-го этажа)*

Причем годом ранее он поехал в Петербург с целью окончить седьмой класс. Но из этого ничего не вышло, и он вернулся в Киев, где держал экзамен на правах экстерна. То есть старшие товарищи Р.Э. Классона вполне могли склонить его к тому, чтобы всем вместе учиться именно в Петербургском технологическом. В итоге три упомянутых персонажа поступили в один и тот же вуз и в один год. Киевское реальное училище окончил и другой знакомый Роберта – Степан Радченко. Он выпустился из училища в 1887 году, поэтому поступил в Петербургский технологический годом позже.

В столице Роберт успешно сдал конкурсные экзамены и стал студентом механического отделения Технологического института. Собственно, здесь тогда было всего два отделения – механическое и химическое. Как единственный сын у А.К. Вебер он на военную службу не призывался. Сие заведение резко отличалось от других вузов Петербурга по своей среде. Весьма метко подметил это Л.Б. Красин:

Технологический институт не избежал общей участи [наступления жестокой реакции], и в год моего поступления [(в 1887, на год позже Р.Э. Классона)] уничтожились последние вольности института: вводилась форма для студентов, была организована инспекция, система педелей (надзирателей) и шпионство сводили на нет всякого рода студенческие организации и учреждения, вводились репетиции и всемерно увеличивалась нагрузка студентов чертежной работой и механическими занятиями в мастерских с явной целью доводить студентов до максимального одурения, не оставляющего в мозгах места ни для каких «вредных» мыслей. И тем не менее революционные традиции были очень живучи, и молодежь всячески стремилась, хотя бы уйдя в подполье, сохранить возможно больше от былых студенческих вольностей. И надо сказать, что технологам действительно удалось в большей степени отстоять студенческие учреждения по сравнению с другими высшими учебными заведениями.

Софья Мотовилова в молодости

Причина этого лежала, во-первых, в том, что институт был одним из крупнейших учебных заведений, сосредоточивая в себе значительную массу молодежи. Другие технические институты, как Горный, Лесной, Институт гражданских инженеров, Электротехнический, были сравнительно небольшими школами с сотней-другой студентов, и борьба начальства со студентами в них была сравнительно легка и проста.

Другой причиной было то, что по самому роду своей работы технологи значительно больше были объединены, нежели, например, студенты университета. В университете распределение по различным факультетам вносило значительное разобщение в среду студенчества. Само преподавание в университете не создавало ничего подобного тому объединению, какое в Технологическом институте давали совместные работы в чертежных, лабораториях и мастерских. Технологический институт по типу занятий значительно больше напоминал фабрику и завод, нежели это имело место в университете. Вот чем я объясняю значительно бóльшую солидарность и бóльшую способность к согласованным выступлениям, какие, несомненно, отличали в то время технологов.

А Т Т Е С Т А Т Ъ.

Предъявительница сего *Софія Ивановна Мотовилова*, поступившая въ Педагогическія Курсы С.-Петербургскихъ Женскихъ Гимназій въ 18*85* году по *диплому С.-Петербургскаго Учебнаго Округа*, нынѣ окончила полный курсъ теоретическаго и практическаго приготовленія къ званію Домашней Наставницы и оказала успѣхи: въ Законѣ Божіемъ *отличныя*, въ практическихъ занятіяхъ по Закону Божіему *отличныя*, въ Педагогикѣ *отличныя*, въ Русскомъ языкѣ *очень хорошія*, въ Русской Словесности *отличныя*, во Всеобщей Словесности *отличныя*, во Французскомъ языкѣ *отличныя*, и Словесности *весьма хорошія*, въ Нѣмецкомъ языкѣ _____, и Словесности _____, во Всеобщей Исторіи *очень хорошія*, въ Русской Исторіи *отличныя*, въ Методикѣ Русскаго языка *очень хорошія*, и Математики *отличныя*, и въ преподаваніи въ Прогимназіи *отличныя*.

На основаніи Высочайше утвержденнаго ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ въ 9-й день Января 1862 года Устава Женскихъ Гимназій *дочьца Мотовилова*, имѣть право получить, не подвергаясь испытанію, свидѣтельство отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на званіе **ДОМАШНЕЙ НАСТАВНИЦЫ** тѣхъ предметовъ, въ коихъ оказала очень хорошія успѣхи. Въ удостовѣреніе чего данъ ей сей Аттестатъ за подлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати Педагогическихъ Курсовъ С.-Петербургъ _____ дня 188 _____ года.

Попечитель С.-Петербургскихъ и Царскосельской Женскихъ Гимназій *[подпись]*

Начальникъ С.-Петербургскихъ Женскихъ Гимназій *[подпись]*

Инспекторъ Педагогическихъ Курсовъ *[подпись]*

Старшая Надзирательница *[подпись]*

Аттестат С.И. Мотовиловой

Тем же надо объяснить, почему технологам, несмотря на все неистовства министерства народного просвещения, удалось сохранить некоторые из своих студенческих учреждений, в то время как в других учебных заведениях, и в особенности в университете, они были разгромлены полностью. (Из воспоминаний петербургского технолога, 1924 год)

С.Н. Мотовилова утверждала, что в том же 1886 году Роберт познакомился в Петербурге с «тетей Соней» (с сестрой мужа ее матери Алины Антоновны), то есть со своей будущей женой Софьей Ивановной Мотовиловой (тогда ему исполнилось восемнадцать лет, а ей – двадцать два года). Правда, последняя при допросе в Отдельном корпусе жандармов в ноябре 1893 года показывала несколько другое: «Я познакомилась с моим мужем приблизительно в 1887 или 1888 году через моих знакомых однокурсниц» (здесь и ниже подобные «полицейские» документы – из ф. 102 ГАРФ).

Предположим, что сначала С.И. Мотовилкову сводил со «знакомыми однокурсницами» давно знавший ее сосед по имени в Симбирской губернии ее сестры Лидии Ивановны Мотовиловой-Пятницкой – Борис Александрович Витмер. Последний персонаж потом женится на подруге С.И. Мотовиловой – Ольге Константиновне Григорьевой.

Предположительно старшая надзирательница Педагогических курсов Санкт-Петербургской женской гимназии Ольга Александровна Папкова

С.И. Мотовилова в 1885 году поступила на Педагогические курсы Санкт-Петербургских Женских Гимназий, каковые закончила вроде бы в 1888 году (в аттестат дата окончания обучения почему-то не была вписана):

На основании Высочайше утвержденного Государем Императором в 9-й день Января 1862 года Устава Женских Гимназий девица Мотовилова имеет право получить, не подвергаясь испытанию, свидетельство от Министерства Народного Просвещения на звание Домашней Наставницы тех предметов, в коих оказала очень хорошие успехи.(здесь и ниже подобные документы – из ф. 9508 РГАЭ).

В альбоме Софьи Ивановны имеется фотография большого формата (см. выше). Фото сделано в ателье Ю. Штейнберга (Санкт – Петербург) на Невском проспекте возле Пассажа на углу Садовой, № 50. Сопоставление места съемки и аттестата С.И. Мотовиловой об окончании Педагогических курсов Санкт-Петербургских Женских Гимназий позволяет предположить, что это фото старшей надзирательницы Ольги Александровны Папковой (1850 – не позже 1920), пребывавшей на этой должности в 1878 – 1903 годах. Фото предположительно сделано в 1885 – 1886 годы, когда О.А. Папковой было 35 – 36 лет. К сожалению, в Интернете имеются только письменные свидетельства ее многолетней деятельности на этой важной должности.

Мы написали по поводу аттестата С.И. Мотовиловой «получила вроде бы в 1888-м», потому что эта дата прозвучала с ее слов при допросе в Отдельном корпусе жандармов,

а годом поступления на педагогические курсы Софья назвала почему-то 1884 год. Но не это важно.

Фотография «Вестли Сын» в Санкт-Петербурге, угол Владимирской и Стремянной, (на обороте подпись чернилами: «Соничке Мотовиловой от Лизы Гославской, 1888 г. 19 Апреля»)^{1}*

А важно то, что Софья так и не воспользовалась правом получить свидетельство на звание домашней наставницы и тем более не успела поработать в этом качестве. В 1888 году умер ее брат Николай (муж А.А. Мотовиловой), и Софья, бросив на какое-то время Роберта, помчалась в Симбирск, чтобы утешать вдову и сирот. А в 1891 году она уже последовала за Робертом в Германию, где они в том же году зарегистрировали свой брак в мэрии Франкфурта-на-Майне и в следующем – обвенчались в русской православной церкви в Висбадене.

Но вернемся в Петербург. Материальные условия Роберта в студенческие годы были как будто бы неплохие: мать посылала ему «ежемесячное пособие» в 30 рублей. Его сын Иван в 1980-х оставил такую запись: «30 руб. в то время были больше среднего бюджета петербургских студентов (покупательная способность тогдашнего царского рубля была гораздо выше, чем рубль 1961 года)».

Тезис про покупательную способность царского рубля подвергнуть сомнению невозможно, и все же – хватало ли Роберту недолговечной стипендии и материнского пособия в 30 рублей? В 1890 году его сняли со стипендии после волны беспорядков, вспыхнувших из-за несправедливого исключения одного из студентов.

^{*} Елизавета Гославская, вероятно, приходилась родственницей следующим персонажам:

Петр Петрович Гославский – молодой художник, родился в Санкт-Петербурге в 1871 году в семье потомственного дворянина Гославского Петра Васильевича, служившего в Правительственном Сенате. <...> П.П. Гославский был разносторонним художником. Он помогал своему брату, драматургу Е.П. Гославскому, в создании и устройстве декораций для постановок его спектаклей в Малом Театре и других театрах. Иллюстрировал его печатные труды (повести и рассказы), создавал костюмы для персонажей из его пьес. Он также написал портреты известных московских актеров, в том числе А.П. Ленского, Е.Д. Турчаниновой, И.А. Бунина, поэта И.А. Белоусова. Им были написаны и портреты С.П. Кувшинниковой, и жены Софьи Гославской. (www.plyos.org/stat/sb-levitan-2014-03.html)

Софья Мотовилова (первая слева в 1-м ряду) среди слушательниц и преподавателей Института инженеров путей сообщения имени императора Александра I, Петербург, здание Механической лаборатории, 1884 – 1886 гг.

Николай Мотовилов, брат Софьи, рано умерший от чахотки

Но можно сказать, что ему повезло: после подавления этих беспорядков многих студентов исключили из института и выслали из Петербурга. Хотя в анкете за 1925 год он упоминал и про более радикальные меры полицейского воздействия в отношении себя (имея в виду, по-видимому, обыск и допросы, происходившие в 1893 – 1894 годах под эгидой Отдельного корпуса жандармов, и установленный затем за ним негласный полицейский надзор).

К сожалению, музей Технологического института не смог предоставить автору этих строк какой-либо детальной информации о материальных условиях жизни его студентов в конце XIX века и о том, какую стипендию (которой его лишили за год до окончания) мог бы получать Р.Э. Классон. Директор этого заведения, Ольга Викторовна Щербинина, сообщила 4 октября 2007 года лишь о том, что в 1887 году было утверждено новое Положение об институте. Согласно ему плата за обучение составляла 50 рублей в год. А казенные стипендии предписывалось выдавать только лицам христианских исповеданий. Ряд стипендий составлялся из частных пожертвований. Так, в 1887 году институт получил капитал от купца И.М. Кричевского, что позволило учредить 13 стипендий по 600 рублей в год.

Г-жа Щербинина сообщила также следующее:

В свое время в Музее много занимались революционным движением, и я думала найти достаточно материала о Р.Э. Классоне. Но, возможно, в связи с последними ремонтами эти материалы оказались в недрах коробок. Подлинных документов мне пока найти не удалось, хотя есть запись, что какие-то материалы в 1979 году передал нам Иван Робертович Классон. Что касается архива, то в Именном указателе почему-то не встретилась фамилия Роберта Эдуардовича. Возможно, дело не сохранилось или надо искать по другим описям. <...>

В кратком историческом очерке «С.-Петербургский Практический Технологический Институт. 1828 – 1893», изданном в 1894 году Николаем Петровичем Ланговым, давалась такая диспозиция по материально-бытовому обеспечению студентов:

В настоящее время технологический институт располагает 105 казенными стипендиями. <...> Сверх казенных имеется 37 частных стипендий из процентов на пожертвованные капиталы. Из них 15 – имени умершего Санкт-Петербургского 2-й гильдии купца И.М. Кричевского – по 600 рублей в год, выдаются студентам V курса <...>. Наконец, в небольшом числе бывают в распоряжении Комитета пособия, случайные частные стипендии от разных мест и учреждений. Немалую также помощь оказывает Комитет пособия недостаточным учащимся института, за последнее десятилетие значительно развивший свою деятельность. Ежегодно в последнее время Комитет расходует около 12 тысяч рублей на нужды беднейших из студентов.

Сверх сего, принимая во внимание, что студенты при своих обильных занятиях вынуждены зачастую оставаться в институте от 9 часов утра до 9 часов вечера, Комитет пособия признал необходимым учредить столовую, где бы студенты могли получать дешевый и здоровый обед. Для сего было выстроено специальное двухэтажное здание достаточных размеров. Постройка была выполнена хозяйственным способом за счет остатков от сметных сумм и обошлась в 37 842 руб. 50 коп. В 1880 году <...> столовая открыла свои действия. <...> Заведование столовой вверено выборным из студентов и производится под контролем института. Столовая эта содержится в самом образцовом порядке и готовит ежедневно свыше трехсот обедов.

Столовая Технологического института (с книжной выкладкой!), 1900 г.

А согласно «Календарю и справочной книжке для студентов Императорских Университетов и прочих Высших Учебных Заведений на 1890 – 1891 академический год», составленному И. Тубянским, в обязательные стипендии Технологического института входило 80 казенных, 20 – имени Николая I и 5 – имени графа Е.Ф. Канкрин^{2*}, все по 360 руб./год. *«Отличнейшие по успехам и поведению из недостаточных студентов русских подданных могут получать стипендии или могут быть освобождаемы от взноса платы за учение».*

Общие данные о российских студентах говорят о том, что они вроде бы могли жить на 25 рублей в месяц, и что лишь 15% из них получали стипендию. Поскольку студенты Технологического имели довольно дешевое питание в своей столовой и носили бесплатно выдаваемую казенную форму, может быть, Р.Э. Классону и хватало в дополнение к стипендии ежемесячного 30-рублевого пособия от матери на оплату проживания и на небольшие карманные расходы.

22 мая 1896 года в газете «Новое время» появилась заметка под постоянной рубрикой «Маленькая хроника» автора, укрывшегося за инициалами Л.Г., с рассуждениями по поводу дешевых студенческих столовых, в том числе и с таким ценным для нас сюжетом:

<...> Я помню студенческую столовую в Технологическом институте. Открыта она была, если не ошибаюсь, в 1880 году на небольшие средства, кажется тысячи на четыре, данные самим институтом из каких-то специальных сумм. Во дворе института был перестроен и приспособлен один из флигелей, куплена посуда, наняты мальчики для прислуживания, повар, кухонные мужики, буфетчица, экономка и т.д. Управляли делами сами студенты по пяти человек с курса. Дело пошло великолепно.

* Егор Францевич Канкрин (1774 – 1845) в 1823 – 1844 годах занимал должность министра финансов.

Несмотря на необыкновенную дешевизну еды (суп с мясом – 7 копеек, жаркое – 12 копеек, большой пирог с говядиной – 3 копейки.), в первый же месяц оказалось чистой прибылью 450 рублей, а в первый год – с лишком 2 000 рублей. На эту прибыль было постановлено давать наиболее нуждающимся товарищам даровые обеды. Не знаю, как обстоит дело теперь в этой столовой, не знаю даже, существует ли она, но тогда все мы необыкновенно горячо ею занимались, сами ходили покупать и мясо, и зелень, и в лабазы, и в пекарни.

Система преподавания в Технологическом требовала от студентов напряженной работы в течение всего учебного года. Известно, что Р.Э. Классону хуже других предметов давалась химия. По воспоминаниям сына Ивана, однажды экзаменатор спросил его отца о каком-то веществе: «Что это такое?» Он ответил, что – газ, а преподаватель возразил: «Это вещество продается мешками» (т.е. оно – сыпучее).

В то же время Р.Э. Классон считал (в передаче опять же сына Ивана), что обучение в институте, с равномерным распределением в течение всего учебного года проверок знания пройденного на так называемых репетициях, было лучше более свободных систем в других высших учебных заведениях. Но при этом он относил к большим недостаткам отсутствие в институте системы обязательных практических занятий, которая, как позже убедился его сын Иван, в 1918 – 1919 годах имела в Московском высшем техническом училище. Наиболее заметной среди них в Технологическом институте была преддипломная практика на V курсе (Роберт проходил ее в мастерских Варшавской железной дороги летом 1890 года).

Последнее предположение (об отсутствии системы обязательных практических занятий) в то же время противоречит приводимому ниже описанию богатой материальной базы института и свидетельству Николая Ивановича Языкова: *«С Робертом Эдуардовичем я познакомился в Петербургском Технологическом Институте в 1889 году, работая с ним вместе в механических мастерских Института».*

В справочной книге «Высшие учебные заведения России, мужские и женские», выпущенной в 1884 году Василием Ивановичем Альбицким (окончил Технологку в 1877 году и далее 10 лет преподавал в одной), упоминалось, что Санкт-Петербургский Практический Технологический Институт есть высшее специальное открытое учебное заведение, в коем сообщается высшее техническое образование по специальностям механической и химической. Соответственно, институт разделяется на два отделения: механическое и химическое с одним (первым) курсом общим. Механическое отделение в свою очередь с IV курса разделяется на два отдела: фабричный и железнодорожный. Как мы увидим, Роберт выбрал железнодорожный отдел.

Занятия в институте, продолжал В.И. Альбицкий, разделялись на теоретические и практические. Нагрузка студентов на I курсе составляла 36 часов в неделю, включая 6-часовые репетиции, на II курсе – 30 часов, в т.ч. и репетиции, на III курсе – 29 часов, включая 8-часовое проектирование по механике, на V курсе – 21 час, в т.ч. 5-часовое проектирование по строительной механике и 12-часовое по механике.

В упомянутом выше кратком историческом очерке Н.П. Лангового разъяснялась технология репетиций:

В 1875 году, <...> желая предоставить каждому учащемуся возможность пользоваться наставлениями профессоров и руководителей проектирования в полной мере, учебный комитет постановил ограничить прием на I курс числом 125 человек. В тех случаях, когда число желающих поступить в институт будет превышать норму,

между кандидатами открывается состязательный экзамен из математики, физики и русского языка, в пределах гимназического курса^{3*}.

Во-вторых, с целью более обстоятельного усвоения познаний, на I и II курсах были введены репетиции по главным предметам. Введение системы репетиций признавалось полезным в видах контроля над занятиями еще мало опытных студентов первых курсов, а главнейшее – с целью разъяснения всего, что могло представлять слабейшим из учащихся неясным из пройденного курса. В-третьих, были установлены сроки графических работ.

Введением этих мер учебный комитет надеялся не только усилить основательность приобретаемых в институте познаний, но также достигнуть того, чтобы число отпадающих без окончания курса значительно уменьшилось.

А В.И. Альбицкий описывал остальные особенности учебы:

Практические занятия состоят – а) в самом Институте: в составлении чертежей и рисунков с моделей, машин и построек, в производстве наблюдений и опытов в физическом, химическом и механическом кабинетах и в лабораториях Института, в работах в механических мастерских – в слесарной, кузнечной, литейной, в машинном и сборочном отделениях; б) вне Института: в производстве съежек и нивелировок, осмотре фабрик и заводов, в Санкт-Петербурге и вне его, по всем производствам, изучаемым в отделениях, и в практических занятиях на фабриках – в летнее время.

Курс учения в Институте 5-летний. Учебный год, включая приемные и переходные экзамены, продолжается с 15 августа по 31 мая. Для практических занятий вне Института назначается летнее время между 1 июня и 15 августа. При Институте имеются следующие учебно-вспомогательные учреждения: 1) библиотека, 2) большой музей с физическими и геодезическими инструментами, разными материалами и продуктами механической и химической обработки, моделями машин и машинами; 3) химическая лаборатория и физический кабинет; 4) механическая лаборатория – для производства опытов по Практической Механике и 5) механические мастерские.

Выходит, институт был богато оснащен экспонатами, инструментами, станками? Не пытаюсь снять противоречие между Р.Э. Классоном (в передаче сына Ивана) и В.И. Альбицким насчет «прекрасных условий для практических занятий», предположим, что они вкладывали несколько разный смысл в это понятие.

А вот еще одно свидетельство о, якобы, «богатом оснащении лабораторий и мастерских», а заодно и про «бурление общественно-политической жизни» студента Технологического, давнего знакомого Роберта – Л.Б. Красина:

Детство, проведенное среди природы на берегах могучих сибирских рек, в бесконечных лесах и травянистых степях и лугах Сибири, с ранних лет заложило во мне большое влечение к естественным наукам, и этому сильно помогло то обстоятельство, что реальное училище в Тюмени (средняя школа, которую я и мои братья окончили) было, по существу, небольшим, но прекрасно оборудованным политехникумом, с обширным естественно-историческим музеем, физической и химической лабораториями, опытными техническими заводами – сухой перегонки, мыловарения, механической мастерской. <...>

В 1887 году я поступил в Петербургский Технологический институт и первые два года усиленно занимался науками, с сожалением вспоминая о более просторных,

* Р.Э. Классон, как уже упоминалось, успешно выдержал «состязательный экзамен».

светлых и богаче оборудованных лабораториях захолустного сибирского городка, по сравнению с большими, запущенными и неприветливыми конюшнями-лабораториями тогдашнего Технологического института, с формалистами-лаборантами и никогда не имевшими свободного времени для беседы со студентами профессорами.

Участие сначала в сибирском землячестве в кружке самообразования для изучения «Политической экономии» Джона Стюарта Милля с примечаниями Чернышевского, а затем и основательное штудирование первого тома «Капитала» Маркса в конце концов сделали из прилежного и отлично учившегося студента участника пропагандистского кружка, начавшего работать среди петербургских рабочих.

Это была одна из первых социал-демократических организаций, основанная М.И. Брусневым и В.С. Голубевым, из которой вышли потом первые рабочие вожди Петербурга. В другом месте я более подробно описал этот период петербургской работы^{4*}.

Я забыл упомянуть, что еще до вступления в этот кружок в 1890 году, мне с братом пришлось принять участие в так называемых студенческих беспорядках, но после кратковременной высылки из Петербурга я получил разрешение вновь вернуться в Технологический институт.

Пропагандистскую работу на Обводном канале мне пришлось бросить не потому, что наша организация провалилась, а в связи так же со студенческой «историей». В марте 1891 года скончался писатель Н.В. Шелгунов, и его похороны обратились в демонстрацию революционного и прогрессивного студенчества, что повело к аресту свыше сотни студентов, которые были высланы из Петербурга. После этой высылки я уже долго не мог попасть в Петербург и только в начале девятисотых годов, по отбытии из Сибирской ссылки, снова получил разрешение на въезд в Питер.

Рабочая часть нашей социал-демократической организации тоже приняла участие в похоронах, возложив на гроб Шелгунова венок от имени петербургских рабочих, на красной ленте которого петербургские рабочие написали: «Указателю пути к свободе и братству». Сама организация мало пострадала, и хотя В.С. Голубев был также арестован и выслан в Сибирь, М.И. Бруснев и другие товарищи продолжали работу.

Дальнейшим продолжателем этого кружка был безвременно умерший (также технолог) С.И. Радченко, а за ним Г.Б. Красин, Г.М. Кржижановский, В.В. Старков, вошедшие вскоре в знаменитый в истории нашей партии «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», душой и организатором которого был великий наш вождь В.И. Ульянов-Ленин. (Автобиографические заметки, 1924 год. См. Приложение «Л.Б. Красин и «сподвижники»»)

К обозначенным выше персонажам мы обязательно еще вернемся, а здесь лишь отметим досадное различие между описаниями «исторических официозов» (Н.П. Лангового и В.И. Альбицкого) и живыми впечатлениями студента Л.Б. Красина от материально-технического оснащения Политехнического и профессорско-чиноуш.

Добавим заодно свои впечатления от изучения «Краткого отчета по С.-Петербургскому Практическому Технологическому Институту» за 1891 год, опубликованного в «Известиях» сего достопочтенного заведения (это был первый и единственный документ, появившийся во время учебы Р.Э. Классона).

Итак, вот что интересного можно было узнать из сего отчета:

* См. «Из воспоминаний петербургского технолога» в Приложении «Л.Б. Красин и «сподвижники»».

<...> В Институте в 1891 году преподаваемы были:

<...> на V курсе <...> б) на железнодорожном отделе механического отделения:

Составление проектов паровозов в 1-м полугодии под руководством проф. Н.Л. Щукина при 4-х часах в неделю и преподавателя В.И. Гросмана при 3-х часах <...>.

в) на обоих отделах [(железнодорожном и фабрично-заводском)] механического отделения:

Составление проектов по строительной механике происходило под руководством проф. М.Н. Демьянова и преподавателя С.Д. Лоскевича, с разделением студентов на две группы по 5 часов обязательных занятий в неделю для каждой.

Практическое изучение систематического курса слесарного, токарного, кузнечных и литейных работ и исполнение цельных механизмов студентами в механических мастерских происходило под руководством заведывающего этими мастерскими, заслуженного проф. Н.Ф. Лабзина и механика, инж.-технолога А.П. Петерса по 4 часа ежедневно в течение $\frac{2}{3}$ [календарного] года и по 8-ми часов в день в течение остальной $\frac{1}{3}$ года. Кроме того, студенты обязательно изучали уход за паровым котлом и машиной, для чего установлены были очередные дежурства при паровом котле и машине.

<...> Сверх вышеназванных предметов преподаваемы были, без включения в программу какого-либо одного курса, иностранные языки: французский – действительным статским советником Е.М. Калье, немецкий – в 1-м полугодии статским советником Г.Г. Кизерицким, а во 2-м полугодии кандидатом университета В.О. Штюрмером и английский – коллежским асессором А.К. Роджерсом. Занятия по названным языкам состояли в чтении и переводах отрывков из лучших сочинений иностранных писателей с грамматическим разбором прочитанного. В этих занятиях могли принимать участие студенты всех курсов института, причем для каждого языка назначено было по 2 часа в неделю.

Поясним здесь, что поскольку Р.Э. Классон выполнял дипломный проект по паровозу (см. ниже), то он с большой долей вероятности учился как раз в железнодорожном отделе механического отделения. А в другом отделе, фабрично-заводском, студенты проектировали механические, железоделательные и сталелитейные заводы, водопроводы и мукомольные мельницы, прядильные и ткацкие фабрики.

В то же время автора сих строк не оставляет ощущение того, что Техноложка застряла в своих учебных программах, самое позднее, в середине XIX века, с паровозами и паровыми машинами на фабриках.

Действительно, еще в 1884 году ученый С.Г. Петров опубликовал в журнале «Электричество» статью «Передача работы электрическим током», в которой он подробно разбирал обозначенную в заголовке актуальную тему в связи с появлением динамо-электрических машин, могущих с одинаковым успехом работать как в режиме генератора, так и двигателя.

В том же журнале систематически появлялись статьи о практических опытах по передаче работы электрическим током в Европе, о сооружении электрических железных дорог не только у наших западных соседей, но и в США, о сооружении электрических станций на реках, об электрическом освещении и так далее и тому подобное.

Наконец, в 1888 году был опубликован доклад (по сути, полемическая статья против токов высокого напряжения) директора-распорядителя «Общества электрического освещения» Алексея Троицкого «Развитие дела применения электрической энергии для общественного пользования в России вообще и устройство центральных для сего станций в городах в особенности». Полемические вещи мы здесь разбирать не будем, а процитируем лишь примеры внедрения электрического освещения в нашем отечестве:

Мост Императора Александра II-го в С.-Петербурге уже 10 лет освещается электрическими фонарями; вся местность вокруг храма Христа Спасителя [в Москве] семь лет уже имеет электрическое освещение, а Невский пр., Б. Морская ул., Дворцовая площадь и набережная освещаются им около 3-х лет. Далее следуют уличное освещение: Царского Села, всей Нижегородской ярмарки, Гатчины и пр. и пр. Итог уличного электрического освещения в России достигает протяжения свыше 40 погон. верст. До настоящего времени, при всей спекуляции Запада, там не было ничего подобного и только за последнее время, в разных европейских городах, спешно заключается контракт за контрактом на устройство уличного освещения электричеством.

В области применения электричества к освещению общественных и частных помещений наши электротехники-труженики превзошли, можно сказать, за эти 10 лет сами себя. В одном императорском Зимнем Дворце имеется станция с полным устройством системы для 20 000 калильных ламп, успешно действующая третий уже год. Мариинский театр два сезона освещается 4 000 калильных лампочек.

Около ста общественных учреждений и магазинов имеют электрическое освещение в Петербурге с центральных станций. Гатчинский и Аничковский Дворцы Его Императорского Величества, Мраморный Дворец Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича, Сенат, Александринский театр, тюрьма, театральная дирекция и декоративный зал; дома: Дервиза, Нечаева-Мальцева, графа Шереметьева, Черткова, Линдеса; здание гвардейского экипажа, все корпуса нижегородской ярмарки, кронштадтский и севастопольский клубы, масса фабрик, заводов и пр. имеют по несколько уже лет электрическое освещение.

А вот сообщения годом позже из газеты «Новое время»:

Электрическое освещение в Петербурге все более и более распространяется; в прошлом 1888-89 учебном году оно было введено в чертежной зале и аудиториях Института гражданских инженеров и оказалось вполне удобным и целесообразным. В наступающем 1889-90 учебном году электрическое освещение вводится в некоторых других учебных заведениях столицы, как, например, в Морском училище, Университете и Горном институте. Кроме того, в гигиенических целях этим освещением предполагается заменить газовое и керосиновое в военных госпиталях и городских больницах. В настоящее время в некоторых из поименованных учреждений уже производятся работы по введению электрического освещения. (7 июля 1889 г.)

На днях было впервые зажжено электрическое освещение в Николаевской инженерной Академии и Николаевском инженерном училище, устроенное инженером капитаном П.П. Тишковым. (11 сентября 1889 г.)

В будущем году в читальной зале Императорской Публичной Библиотеки предполагается ввести электрическое освещение. (13 сентября 1889 г.)

Сегодня состоялась проба освещения электричеством больницы биржевого купечества на Васильевском острове. (7 октября 1889 г.)

В нынешнем году ввели у себя электричество: Инженерный замок, с академией и училищем; Государственный банк; Главный штаб; Сенат и восемь больниц, так что в настоящее время в Петербурге перешли с газового освещения на электрическое свыше 40 учреждений и свыше 300 магазинов. (5 декабря 1889 г.)

Из той же газеты «Новое время» за 1890 год:

В здании Петербургского почтамта идут усиленные работы по устройству в нем электрического освещения. Все приспособления для газового освещения здания будут сняты, в том числе также и рожки для согревания сургуча в отделах приема и отправки посылок.

Рожки эти будут заменены специально приспособленными лампочками. Окончание работ по устройству нового освещения ожидается к 1 ноября. (11 октября 1890 г.)

Электрическое освещение читальной залы Императорской Публичной Библиотеки будет введено с 1 января [1891 г.]. (25 октября 1890 г.)

В С.-Петербургском университете введено электрическое освещение. Пока освещаются только IX аудитория и лаборатория профессора Д.И. Менделеева. (10 марта 1891 г.)

Сегодня [(10 сентября по ст. стилю)], в столетнюю годовщину дня рождения знаменитого английского ученого Михаила Фарадея, состоялась торжественная закладка электромашинной станции, устраиваемой для освещения Военно-Медицинской Академии, Михайловской Артиллерийской Академии и училища и Пиротехнической школы и военной тюрьмы. Мысль о постройке станции при Военно-Медицинской Академии зародилась еще 2 года тому назад. Была избрана комиссия под председательством профессора Н.Г. Егорова для разработки дела. Благодаря сочувствию военного министра [генерал-адъютанта П.С. Ванновского] мысль теперь перешла в действительность.

Местом постройки станции избрана площадь на берегу р. Невы, напротив Военного Сухопутного госпиталя. <...> Несколько слов о самой станции: строится она на 10 000 ламп, причем на первое время будет установлено только 7 000. Система освещения – лампы накаливания. Передача тока устраивается при помощи трансформаторов по системе Ганца. (11 сентября 1891 г.)

Поэтому нельзя без юмора воспринимать следующее бодрое известие из отчета Технологического института за 1891 год: «В химической лаборатории поставлены две газовые лампы Сименса для освещения экспериментального стола».

И вообще вызывающе выглядела следующая информация в том же «Новом времени»:

На площади, возле памятника Петру I, что против Инженерного замка, идут работы по постройке «Учебной электрической станции», которая воздвигается Военно-инженерным ведомством с специальной целью дать возможность офицерам, обучающимся в Николаевской Инженерной Академии, практически знакомиться с устройством, действием и приспособлением машин, развивающих электричество большого напряжения. Корпус станции будет выведен в два этажа: в первом этаже будут размещены машины, сила которых рассчитывается на 2 500 лампочек накаливания, а верхний этаж будет отделан под классные помещения, где и будут производиться практические занятия офицеров-академистов. (21 августа 1891 г.)

Выходит, офицеры, учащиеся Николаевской инженерной академии, смогут, как потом будет уточнено, уже с 1892 года «практически заниматься» на вполне серьезной электрической технике, в том числе и на динамо-машине в 75 лошадиных сил, а инженеры-технологи – все еще пребывать в веке паровозов и газового освещения?

Коснемся заодно преподавания в Техноложке иностранных языков. Роберту, по-видимому, незачем было ходить на занятия по немецкому и французскому языкам, которые он знал с детства. А вот что касается английского (который преподавал, судя по фамилии – Роджерс, носитель этого языка, с 1880 по 1893 год), то его изучение могло бы принести ему, как мы увидим далее, большую пользу.

Но только не в таком виде: *«Занятия по названным языкам состояли в чтении и переводах отрывков из лучших сочинений иностранных писателей с грамматическим разбором прочитанного»*. Будущим инженерам-технологам требовалось, прежде всего не изучение грамматики, пусть и по *«лучшим сочинениям иностранных писателей»*, а беглое чтение иностранных технических журналов, чтобы быть в курсе передового опыта при внедрении новой западной техники (прежде всего электрической: привода машин и станков, средств передвижения и освещения).

А что же мы видим в главке «Учебные пособия и средства Института»? Например, такой сюжет: *“Из вновь выписанных периодических изданий [(в числе 128-ми!)] наиболее ценными являются журнал Stahl und Eisen [(«Сталь и чугун»)] L’industrie textelle [(«Текстильная промышленность»)]”*.

И это в то время, когда уже выходили такие электротехнические и научные журналы как The Electrician, l’Electricité, Revue Internationale de l’Electricité, Engineering, Lumière Électrique, Elektrotechnisches Echo, La Nature, Elektrotechnische Zeitschrift и тому подобные. Ну а сам журнал «Электричество» стал издаваться на русском, понятное дело, языке еще с июля 1880 года!

В упомянутой уже главке «Учебные пособия и средства Института» приводились и такие сюжеты:

В Музей Института в 1891 году <...> приобретены покупкою: <...> форсунка для паровых котлов системы Крупке.

Для физического кабинета изготовлены механиком Петерманом конденсатор Кольрауша и прибор для измерения теплопроводности твердых тел.

То есть приобретались или изготавливались технические устройства или приборы, которые явно не относились к тогдашнему mainstream технического прогресса. Хотя еще в марте 1880 года в Петербурге (в Соляном городке) открылась первая в мире электротехническая выставка. Вот бы преподавателям Техноложки установить тесные связи с организаторами сей выставки и ее экспонентами! И систематически приобретать действующие экспонаты для Музея Института!! Но ничего этого, похоже, так и не было сделано.

В результате технический mainstream конца XIX века перехватило в Петербурге Техническое училище, открывшееся в 1886 году под потребности Главного управления почт и телеграфов и преобразованное в 1891 году в Электротехнический институт:

С начала нынешнего учебного года [(1891/92)] Технологическое училище почтово-телеграфного ведомства преобразовывается в Электротехнический институт с четырехгодичным курсом. («Новое время», 23 июня 1891 г.)

*И.И. Боргман, ординарный проф. физики в Санкт-Петербургском университете
(преподавал также в Технологическом институте)*

А физику преподавал по совместительству зав. кафедрой физики Санкт-Петербургского университета, проф. Федор Фомич Петрушевский. Интересно, что ранее он был учителем математики и физики в Первой Киевской гимназии – до 1862 года, но Роберт тогда еще даже не появился на свет, а вот при поступлении в Техноложку в 1886 году последний вполне мог оказаться на лекциях этого профессора. А также читать его учебники: «Курс наблюдательной физики» (1874 г.); «Начальный курс физики» (1876 г.); «Экспериментальный и практический курс электричества» (1876 г.) и «Современное состояние маячного освещения» (1878 г.).

Иван Иванович Боргман, ординарный проф. физики Санкт-Петербургского университета, преподавал также и в Техноложке с 1886 по 1899 год, механическую теорию теплоты, учение об электричестве, теорию динамо-машин и методы электрических измерений. Как упоминается в отмеченном выше фолианте, ученые работы Ивана Ивановича относятся по преимуществу к изучению электрических явлений. Им издано известное руководство по электричеству и магнетизму, второе издание которого вышло из печати в 1889 году. В Журнале Русского Физико-Химического Общества помещено много его работ, как например: <...> «О передаче работ при посредстве тока», <...> «О механическом действии переменных токов» [(1890 г.)] и многое другое.

Однако занятия И.И. Боргмана (как и Ф.Ф. Петрушевского) имели, на наш взгляд, экспериментально-теоретическое направление (что, конечно, тоже похвально), но отнюдь не прикладное значение, что могло бы подвинуть Роберта на более плотное изучение постоянных и переменных токов еще в Институте в применении к освещению и передаче механической силы. Но этого, к сожалению, не произошло...

О преподавателе Института, электротехнике Александре Александровиче Воронове мы упомянем в конце этого очерка.

И.А. Евневич, профессор Технологического института

Выпущенный из Техноложки в 1874 году Михаил Николаевич Демьянов с 1885 года читал курс сопротивления строительных материалов, а вышедший из Института в 1881 году Георгий Филиппович Депп сначала руководил черчением, а с 1889 года преподавал прикладную механику. Напечатал в журнале Вестник Общества Технологов за 1901 год статью «Опыты с двигателями Дизеля на заводе Л. Нобеля», что могло обратить внимание Р.Э. Классона, когда он работал в Баку и яростно протестовал против внедрения подобной технологии на электростанциях.

Ипполит Антонович Евневич, окончивший в 1856-м курс в СПб. Университете со степенью кандидата математических наук, в 1862 года начал преподавать в Институте прикладную механику и сопротивление материалов, до 1894-го читал также прикладную механику, гидравлику, теорию упругости и теорию вероятностей. А Мариан Альбертович Кросновский, тоже кандидат наук Санкт-Петербургского Университета, с 1863 по 1891 год преподавал высший математический анализ, аналитическую механику и теорию вероятностей. Перестал преподавать по уважительной причине – в этом самом 1891 году он умер и был похоронен на Католическом кладбище.

Павел Васильевич Котурницкий, вышедший инженером-технологом в 1872 году, с 1882 года читал курс паровых машин. Николай Леонидович Щукин, выпущенный инженером-технологом в 1873 году, читал теоретическую механику, паровозу и руководил составлением проекта паровозов. Он даже составил для Николаевской железной дороги проекты 8-колесного и курьерского паровозов и проект Императорского поезда для заграничной (более узкой) колеи.

Бывш. профессор Технологического института, ген.-лейтенант Н.П. Петров

А военный инженер Николай Павлович Петров с 1866 года читал курс по устройству паровозов и некоторое время – по паровым котлам и кинематике, и руководил составлением проектов паровозов. В Известиях Технологического Института за 1890 год Н.П. Петров опубликовал весьма занимательный материал «Определение скорости поезда по железной дороге при возможном увеличении вероятности безопасного движения», который начинался так:

Страшное несчастье, случившееся с Императорским поездом 17 октября 1888 года, вызвало множество соображений, высказанных и печатно, и устно инженерами разных стран относительно тех скоростей, с которыми могут двигаться поезда, не только не увеличивая, но даже несколько уменьшая риск, всегда неизбежно связанный с ездой по железной дороге. <...>

Наверняка Роберт Эдуардович вынес некоторые правила «техники безопасности» при езде по железным дорогам из своего «паровозного образования». Например, он рассказывал сыну Ивану, что в поезде безопаснее ехать сидя спиной по движению: при резком торможении не страдают ноги, в отличие от таковых же у едущих лицом вперед, когда тело отрывает от задней скамьи, а ноги ударяет о переднюю скамью с риском переломать их...

А в 1896 году, когда Р.Э. Классон уже электрифицировал Охтенские пороховые заводы, а Н.П. Петров дослужился до чина генерал-лейтенанта и должности товарища министра путей сообщения, последний опубликовал в «Новом времени» пространную статью «Чего можно ожидать от электровозов». В этой статье Николай Павлович, может быть, сам того не желая, озвучил панихиду по паровозам. Возможно, сию публикацию своего бывшего преподавателя не без интереса прочел и Роберт Эдуардович.

Статья «Чего можно ожидать от электровозов» использовала следующий информационный повод:

Года три тому назад Гейльман во Франции применил электричество к паровозам железных дорог. Его изобретение обратило внимание инженеров и в технической литературе появилось уже несколько статей об электровозах Гейльмана. Недавно приезжал в Петербург сам изобретатель, чтобы ознакомить русских железнодорожных деятелей со всеми подробностями своего изобретения [(12 февраля в зале Министерства путей сообщения)]. Он делал сообщения в собраниях инженеров и настолько заинтересовал влиятельных лиц, что скоро можно ждать опытов над электровозами и на наших железных дорогах.^{5}*

Далее Н.П. Петров подробно описывал два органических недостатка паровозов:

1) Устройство и движение частей машины [(с кривошипно-шатунным механизмом)] заставляет идущий вперед паровоз принимать еще целый ряд побочных, вредных, а иногда и опасных колебаний. Эти побочные (т.е. боковые) колебания сильно расшатывают рельсы при большой скорости движения паровоза и могут привести к его сходу с рельсов, т.е. к аварии и даже катастрофе.

2) Паровая машина работает наиболее эффективно на ровных (горизонтальных) участках дороги, а при подъеме в гору эта эффективность резко падает.

Из дальнейших объяснений Николаем Павловичем изобретения француза Гейльмана становилось понятно, что речь шла о сохранении в паровозе-электровозе парового котла и установке «сильной динамо-машины», которая должна питать электродвигатели на осях данного «гибрида». Это позволило бы ликвидировать два отмеченных органических недостатка паровоза.

Все же Н.П. Петров указывал на то, что предложение Гейльмана приведет к увеличению веса паровоза-электровоза на $2300 - 150 = 2150$ пудов, за счет установки динамо-машины и демонтажа кривошипно-шатунных механизмов, а также к увеличению веса колес на $320 - 120 = 200$ пудов, из-за установки на них электродвигателей и более сильному воздействию на рельсы.

В то же время мысль бывшего «паровозного» преподавателя почему-то не шла далее – к замене паровозов настоящими электровозами с питанием от воздушной или наземной контактной сети. Это сняло бы все органические недостатки, присущие паровозам, и в то же время не утяжелило бы локомотивы.

Предположим, что бывший студент Технологического, прочитав сию публикацию, лишь пожал плечами и отложил газету в сторону: инженер-технолог Р.Э. Классон занимался в это время весьма многообещающим практическим делом – внедрением перспективного трехфазного тока на Охтенских пороховых заводах...

Но 5 – 10 годами ранее он еще учился и притом довольно плотно. Несмотря на это, Роберт, как и большинство студентов-технологов, с головой погрузился в общественно-политическую жизнь, бурлившую в Технологическом и в Петербурге.

В анкете, заполненной в 1925 году, он так описывал начало своей «политической линии жизни»:

* В «Петербургском листке» предмет презентации французского изобретателя Гейльмана 12 февраля в Министерстве путей сообщения был обозначен методически более правильно как «электровод».

Окончил 23-х лет Петербургский Технологический Институт без всяких перерывов. Самообразованием занимался очень много, так как в то время была пора кружковщины, и я принимал деятельное участие во многих кружках самообразования, изучая главным образом экономические науки. Кружки, в которых я занимался, имели определенный марксистский уклон, и я считаю, что был одним из первых марксистов в России. В этих кружках участвовали Л.Б. Красин, М.И. Бруснев и целый ряд других деятелей, впоследствии примкнувших к социал-демократической партии. Большинство этих кружков было разгромлено в период моего отсутствия в России, когда я за границей изучал электротехнику.

Здесь необходимо вернуться к такому важному факту в жизни Роберта, как студенческие беспорядки в марте 1890 года (из-за которых его «всего лишь» лишили стипендии). Студент Технологического, исключенный из него и высланный в Тифлис, а затем привлеченный по делу М.И. Бруснева – Александр Николаевич Балдин так описывал этот сюжет:

Осенью 1889 года, когда я, будучи уже студентом 5-го курса, вернулся после летней практики в Петербург, я принялся единолично за организацию специально марксистских кружков опять-таки из знакомой уже студенческой молодежи.

Кроме вышеупомянутых студентов, в моих кружках (их было два или три, а может быть, и более – не помню), принимали участие Коновалов, Кулев, Непойкойчицкий, кажется, Розвадовский и другие, которых не помню.

В этих кружках изучался «Капитал» Маркса, причем первую главу, ввиду трудности ее понимания, я преподавал по способу вопросов и ответов, заставляя участников кружков повторять даваемые мною объяснения. При этом, конечно, невольно и часто мы отвлекались к вопросам текущей политики и рассуждали о них, разъясняя события дня со своей, революционно-марксистской точки зрения. Как на прежних, так и на этих занятиях Леонид Борисович [Красин] выделялся на целую голову из всех прочих, обнаруживая уже тогда задатки выдающегося революционера.

Занятия наши шли очень успешно вплоть до катастрофы, т.е. до студенческих беспорядков, которые стихийно вспыхнули в марте 1890 года из-за увольнения одного очень симпатичного студента Гецена вследствие незначительного столкновения его с тогдашним инспектором-жандармом Смирновым.

Помню, что некоторые старшие студенты-революционеры, в том числе и я, а также и Р.Э. Классон, были против устройства этих беспорядков. Мы не хотели жертвовать ради них лицами, нужными для революционной пропаганды, в которой мы тогда видели главнейшую суть будущей нашей революционной деятельности.

Но стихийная сила возбуждения большей и лучшей части студенчества Технологического института против целого ряда возмутительных, часто мелочных и нелепых придирок инспектора Смирнова была так велика, что предотвратить возникновение беспорядков было невозможно, и они вспыхнули с чисто стихийной и непреодолимой силой. И тогда мне, на которого были обращены взоры студенческой молодежи как на руководителя кружковых политических занятий, пришлось принять на себя роль руководителя этих волнений. Волнения продолжались с давно небывалым упорством целых четыре дня, пока наконец все студенты, участвовавшие в этих волнениях, не были арестованы в здании института и развезены по четырем полицейским частям.

Через несколько дней сидения в частях мы узнали и приговор профессорско-инспекторского ареопага. По приговору я и еще один молодой студент (забыл его фамилию) исключались «навсегда», без права поступления куда бы то ни было; человек семь, в том числе, кажется, и Леонид Борисович, исключались с правом поступления через год в другие учебные заведения, кроме Петербургского технологического института, и человек 18 исключались на год с правом поступления обратно в тот же Петербургский институт. («Из далекого прошлого», 1928 г. См. Приложение “Л.Б. Красин и «сподвижники»”)

Выходит, Роберт уже был достаточно осмотрительным человеком, поскольку выступал против активного сопротивления властям?

Во время учебы он снимал комнату вдвоем с товарищем по институту Яковом Коробко. Одно время они так увлеклись сокращением расходов на еду (деньги были нужны на литературу для кружка), что перестали обедать в столовой и питались только хлебом с чаем. Однако оказалось, что у них сильно выросла потребность во сне. Эксперимент с невыносимо дешевым питанием пришлось прекратить.

Один раз Роберт попытался выписать литературу из Швейцарии при посредстве своего родственника Гектора Кристиани. Для этого он переслал в Женеву 10 царских рублей, немалую сумму по тем временам! Деньги собирались среди студентов на пополнение нелегальной библиотеки «Южно-Русского землячества». В результате он впервые попал в поле зрения полиции, но к неблагонадежным персонажам причислен пока не был:

«На запрос по сему поводу С.-Петербургский Градоначальник уведомил (6 Мая 1889 г. за № 4428), что студент С.-Петербургского Технологического Института Роберт Артур Эдуардов Классон проживает на одной квартире с товарищами по Институту Яковом Петровым Коробко и Емельяном-Стефаном Константиновым Свида и дочерью Надворного Советника Елизаветою Александровою Безсоновою, причем до того времени ни в чем предосудительном замечен не был».

Здесь стоит пояснить, что наблюдение за денежными корреспонденциями, отправляемыми из России в Швейцарию, было, скорее всего, учреждено для того, чтобы отслеживать (и решительно пресекать) возможную помощь, оказываемую соотечественниками российским эмигрантам – Г.В. Плеханову, В.И. Засулич, П.Б. Аксельроду.

Правда, в «Обзоре важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по государственным преступлениям за 1892 и 1893 гг.» констатировалось:

Плеханов и «Освобожденцы» влачат [в Женеве] жалкое существование, не имея в своем распоряжении достаточно средств не только для издания брошюр, но даже и для жизни. С целью приобретения денежных средств для Плеханова приезжающая в Россию на каникулы учащаяся за границей русская молодежь старается устраивать складчины среди существующих в Империи социал-демократических кружков, но результаты сборов весьма незначительны.

Что касается длительности совместного проживания Р.Э. Классона и Я.П. Коробко в одной комнате или квартире, то данный сюжет требует дополнительного исследования. В частности, в донесении С.-Петербургского охранного отделения в Департамент полиции в июне 1890 года в связи с т.н. делом о «Южно-Русском землячестве» давались такие ориентиры на их активных членов:

<...> 2. Студент Технологического института Яков Петров Коробко <...> проживал в последнее время в доме № 127 по Фонтанке в квартире № 29, <...> имеет большой круг знакомых среди учащейся молодежи, из числа коих выяснены студенты: Технологического института – <...> Степан Иванов Радченко, Роберт-Артур Эдуардов Классон, <...> слушательницы высших женских курсов сестры Ольга и Александра Константиновы Григорьевы.

3. Студент Технологического института Леонид Васильев Цеслинский, 21 г., из дворян Киевской губ., первоначальное образование получил в Киевском реальном училище, проживает в одной квартире с Коробко, с которым находится в дружеских отношениях как товарищ по гимназии.

То есть Р.Э. Классон в 1890 году вроде бы уже не жил вместе с Я.П. Коробко (снимал комнату вместе с С.И. Мотовиловой?).

Необходимо, наконец, вкратце описать упоминавшееся выше «Южно-Русское землячество» и попутно объяснить огромный интерес студентов петербургских институтов к подобным неформальным объединениям. Последнее вполне отчетливо сформулировано в следующем документе.

Из перехваченного полицией в ноябре 1892 года письма из Киева Елизавете Васьковой в С.-Петербург (Васильевский остров, Высшие женские курсы), где речь идет, правда, не о кружковой работе, а о некоей общей сходке студентов:

<...> Я знаю землячества. Вам все это заседание показалось деланным, оно так и было. Но вы не делайте, пожалуйста, спешных заключений о людях. Теперь там форма сходок, лишняя положительности, господствует и объясняется обстоятельствами времени, – люди не знают, что делать. Наука не может служить знаменем для собраний, русская молодежь не довольствуется уже словами «пусть под знаменем науки союз наш крепнет и растет», как говорила молодежь [18]50 – 60 годов, – теперь молодежь ищет какого-нибудь общественного дела, а жизнь не дает его, благодаря условиям, в которые она поставлена. Сама же молодежь не знает дела и не может найти его. Вот потому-то и сумбур такой; вам с ним на каждом шагу придется встречаться, и встречи эти будут для вас только полезны, – они познакомят вас с жизнью нашей интеллигенции в период реакции. Вы не осуждайте их только слишком, – все же это сумбурное собрание лучше собраний в клубах. По крайней мере, видно, что люди ищут чего-то, стремятся к чему-то хорошему.

Яков Коробко, студент Технологического (март 1889 г.)

А С.-Петербургское охранное отделение в своей справке в Департамент полиции в апреле 1892 года предоставило такие сведения по "тайному кружку, присвоившему себе название «Южно-Русское землячество»":

Образование этого кружка относится к весне 1890 года. После студенческих беспорядков, происходивших в марте того же года, среди учащейся молодежи было организовано несколько земляческих кружков, хотя и не преследовавших прямо преступные противоправительственные цели, но ставивших своей задачей – цели саморазвития, взаимопомощи, а также противодействие распоряжениям учебной администрации. «Южно-Русское землячество» организовало на средства членов своих библиотеку из книг тенденциозного содержания, учредило кассу взаимопомощи, составленную из добровольных взносов как для поддержки библиотеки, так и для помощи нуждающимся.

В августе 1893 года земляк Роберта Лев Клобуков, только что окончивший Технологический и обвинявшийся по делу о распространении антиправительственных прокламаций по поводу беспорядков на похоронах писателя Н.В. Шелгунова в апреле 1891 года, дал такие показания на допросе в Отдельном Корпусе жандармов:

К 1890-91 учебному году относится вступление мое в один из возникших тогда кружков, а именно в кружок «Южно-Русского землячества». Основная цель этого землячества была оградить новоприезжих молодых людей, поступивших в высшие учебные заведения, от дурного влияния столичной жизни и доставить им возможность, путем чтения и бесед в товарищеском кругу, умственного развития и взаимной нравственной поддержки.

Кружки земляческие носили характер кружков саморазвития, не имея, однако, определенной программы, но выбирая для своих занятий те или другие научные вопросы, по своему усмотрению.

В Технологическом Институте первоначально возникло три или четыре кружка, преимущественно из малороссов, вследствие чего кружок присвоил себе название «Малороссийского землячества»; причем на первых порах предполагалось принимать в состав кружка исключительно уроженцев южных губерний.

Мысль эта впоследствии была оставлена, и решили принимать в кружки всю учащуюся молодежь без различия мест происхождения. Кружки же тогда были переименованы в «Южно-Русское землячество». Количество кружков, образованных студентами-технологами, быстро возросло и достигло восьми или девяти.

<...> Книги, обращавшиеся в кружках, были легального содержания. Тот кружок, в котором представителем был я, собирался иногда на моей квартире, и предметом занятий была исключительно этика. Деньги для покупки книг, для пользования ими членов кружка, собирались с последних в размере 1% с получаемого содержания. <...> Года через полтора кружки перестали интересоваться молодежь, деятельность их стала падать, и я мало-помалу перестал их посещать.

В сентябре 1893 года Лев Клобуков дополнил свои показания, из них вырисовывается весьма активная студенческая жизнь (и к некоторым ее сторонам мы еще вернемся):

На II курсе (1886-87 учебный год) я был избран распорядителем студенческой столовой, помещавшейся в здании Института, которою я заведовал два года. В бытность мою на III курсе я был избран товарищами распорядителем библиотеки

студентов Института, издавна существовавшей частным образом, т.е. без ведома начальства. По уставу этой библиотеки книги и вообще сочинения революционного содержания в составе ее, безусловно, не допускались, но вместе с тем в состав библиотеки могли входить все книги, изданные в России, не сообразуясь с тем, изъяты ли они из обращения или нет.

<...> В 1890 году в числе моих знакомых был оканчивающий тогда курс в Академии Художеств Сергей Митрофанович Серебровский, который меня однажды пригласил к себе с целью прочесть редкое сочинение Альфонса Туна^{6*}. По его приглашению, приблизительно в ноябре, я отправился к нему с двумя моими товарищами, Классоном и Коробко, получившими так же от Серебровского приглашение. В квартире последнего, кроме его самого и его семьи, никого посторонних не было.

По имевшимся у Серебровского отдельным тетрадам мы прочли отрывки из сочинения Туна о революционном движении в России. Кроме этого случая у Серебровского в моем присутствии подобного рода чтений никогда не было.

<...> Листок [(найденный при обыске и предъявленный при допросе)] с записанными расходами – есть счет деньгам, вырученным лицом, писавшим записку, и мною за проданные билеты на вечеринку и деньгам, израсходованным на покупку припасов для нее. Эта вечеринка, как мне помнится, происходила в первое время существования Южно-русского землячества в квартире Ольги Ивановой, жившей при отце, кажется, в Ковенском переулке. Запись не моей рукой о полученных деньгах сделана, кажется, курсисткой Бестужевских курсов Ольгой Константиновной Григорьевой. Вход на вечеринку стоил 75 копеек, причем деньги, за покрытием расходов, предназначались на библиотеку землячества.

Предъявленные мне письма писаны мною и адресованы на имя настоящей моей жены, а в то время еще невесты. Письма от 14, 18, 22 и 29 ноября 1890 года, 3 декабря того же года, 20 января, 5 и 18 февраля 1891 года относятся к времени участия моего в кружках Южно-русского землячества, о чем я уже говорил в прежних моих показаниях.

Часть письма от 14 Ноября 1890 года, где говорится о чтении сочинения Туна, относится к чтению, происходившему в квартире Серебровского, о чем я уже говорил раньше.

Упомянутая в письме от 22 Ноября 1890 года Ольга Константиновна – есть слушательница Бестужевских курсов Григорьева. Она была, сколько мне помнится, представительницей кружка саморазвития, принадлежавшего к Южно-русскому землячеству. Упомянутый в том же письме «Обзор политических партий» читан был на собрании у Мокриевского. **Упомянутый в письме от 3 декабря 1890 года Клас. – есть мой товарищ по Институту, ныне Инженер-Технолог Роберт Эдуардович Классон.**

Сам Роберт, похоже, активной роли в «Южно-Русском землячестве» не играл, но регулярно посещал некоторые его кружки. В ноябре 1893 года он дал следующие показания по своей кружковой деятельности (скрыв однако руководство марксистским кружком!):

Первый год пребывания моего в Технологическом Институте, т.е. в 1886-87 [учебном] году, я не имел вовсе знакомых среди студентов, кроме моего соучителя

* В 1883 году в Цюрихе вышла книга немецкого писателя Альфонса Туна «История революционных движений в России».

Коробки, а потому никаких студенческих кружков не посещал. Перейдя на II курс, я приобрел некоторые знакомства, но исключительно среди моих товарищей по институту, и в этот год впервые узнал о существовании между студентами кружков саморазвития и стал посещать кружок, который впоследствии стали называть кружком южан. К этому кружку принадлежали Штигиевский, Клобуков, Корсак, Бреус.

В кружке этом происходили чтения и обмен мыслей. Читали книги по естествознанию, политической экономии и русской истории. Нелегальных сочинений или брошюр в нашем кружке тогда не читали, за исключением лишь одного случая, когда была прочтена биография Софии Перовской, вырванная из какого-то издания и принесенная для чтения, если не ошибаюсь, Штигиевским.

Затем, во время бытности моей на III курсе, у меня завязались знакомства со студентами других высших заведений, которые иногда посещали наш кружок по приглашению кого-либо из нас. В этот же год я познакомился со слушательницей педагогических курсов Дробышевой, которая, выйдя вскоре замуж за архитектора Серебровского, познакомила некоторых из нашего кружка со своим мужем.

После того мы стали раза два или три в месяц собираться для чтений у Серебровского, где, как припоминаю, бывали Корсак, Клобуков, Коробко, две сестры Серебровского – слушательницы каких-то фельдшерских курсов, и я. На этих собраниях у Серебровского читались большею частью философские сочинения, как, например, Спинозы, Шопенгауэра и др. Насколько я могу припомнить, никаких нелегальных изданий у Серебровского не читали, т.к. он, во-первых, человек очень боязливый и, во-вторых, в то время он уже был женат.

Если Вы мне говорите, что у Серебровского читали, по отдельным листкам, «Историю социально-революционного движения в России» Туна, то я признаю это недоразумением с чьей-либо стороны, т.к. я решительно не могу допустить, чтобы Серебровский, по своему характеру, решился на чтение подобной брошюры в большом обществе посторонних людей. Я, как и другие мои товарищи, действительно крайне интересовались Туном, но достать его было очень трудно, так что о существовании этой брошюры я знаю, но в полном объеме мне ее читать не приходилось.

Правда, при разговорах на собраниях у Серебровского присутствовавшие держались либерального направления, имевшего характер присущих студентам мнений, и высказывались разные желательные реформы, но все это не выходило из области теории.

Листки для сбора пожертвований в пользу ссыльных и заключенных ходили по рукам студентов в институте, но листки эти по принципу не допускались в кружки, чтобы не придать последним известной окраски. Означенные листки циркулировали только на первых двух курсах, где под давлением товарищества невозможно отказаться от участия. И я в числе других давал по существовавшей таксе 20 коп. На четвертом же и пятом курсах никаких подобных сборов не производилось.

Когда я был на третьем курсе, по приглашению товарища моего Полетики я был однажды на собрании какого-то кружка медиков, где профессор Свешников прочел реферат, тот самый, который мы читали на лекциях в университете. <...>Насколько помню содержание реферата, [в нем] проводилась параллель между ростом культуры и изменением государственных форм общества.

Когда я перешел на IV курс, то кружковая горячка значительно остыла, и я в то время посещал лишь кружок, занимавшийся изучением древних общественных учреждений. <...> На V курсе я кружка уже не посещал, не имея решительно свободного времени. <...>

Еще припоминаю, что когда я был на II курсе и посещал довольно много разных студенческих кружков, то мне случалось видеть нелегальную брошюру «Что хотят сказать демократы» и две речи: одна Бебеля, а другая – Либкнехта, но их в кружках не читали.

Выходит, Р.Э. Классон «темнил» в части эпизода с чтением у С.М. Серебровского нелегальной в России книги Альфонса Туна. По-видимому, он вынужден был это делать, чтобы не выдавать своих товарищей, когда ему было сообщено об этом эпизоде без указания фамилий участников собрания в квартире С.М. Серебровского.

Яков Коробко немного дополнил своего товарища (из протокола допроса в ноябре 1893 года):

Поступив в Санкт-Петербургский Технологический институт в 1886 году, я на I курсе занимался исключительно предметами этого курса, на другой же год я стал заниматься саморазвитием, совместно с моим соучителем Классоном и товарищами по институту: Клобуковым, Полетикой, Корсаком и студентом Академии художеств Серебровским. Мы не составляли какого-либо особенного кружка, а таковой составился, можно сказать, совершенно случайно. Предметом наших совместных чтений были вопросы, касающиеся философии, этики, политической экономии. Никаких нелегальных изданий у нас не читалось.

В разговорах, разумеется, касались вопросов общественной жизни, причем высказывались и разные либеральные взгляды, но проектов каких-либо активной деятельности или пропаганды у нас не было. Других каких-либо кружков или собраний молодежи других высших учебных заведений я не посещал. Да и вообще у меня почти не было знакомых, кроме своих товарищей-технологов.

Ольга Витмер (урожд. Григорьева) приводила следующие интересные подробности (из протокола допроса в ноябре 1893 года):

С Робертом Классоном и Яковом Коробко я познакомилась через Льва Клобукова во время пикника, года четыре тому назад. С тех пор Классон и Коробко бывали в нашем семействе. Через год после нашего знакомства нам приходилось собираться друг у друга для совместных чтений разных дозволенных цензурой книг по политической экономии и истории первобытной культуры. На этих чтениях присутствовали: я, Классон, Коробко и Крупская Надежда Константиновна, подруга моя по гимназии^{7}. Клобуков на чтениях этих не участвовал, относясь к ним свысока. Происходили эти чтения раз в две недели и длились около года.*

Состав участников «совместных чтений» позволяет говорить о «марксистском кружке», хотя М.И. Бруснев в показаниях О.К. Григорьевой-Витмер не упоминался (но зачем, ведь он был арестован в апреле 1892 года).

И, наконец, показания «архитектора» Сергея Серебровского, который после окончания Академии художеств стал почему-то служить помощником коммерческого агента в Министерстве путей сообщения (из протокола допроса в ноябре 1893 года):

Я познакомился со студентами Санкт-Петербургского Технологического Института Клобуковым, Классоном и Коробкой лет пять тому назад будучи еще студентом, но при каких обстоятельствах, не помню. У меня собирались иногда, но не

* Речь идет о частной петербургской гимназии (где обучение стоило дороже, чем в казенных) княгини Александры Алексеевны Оболенской (урожд. Дияковой).

периодически, только что названные мною лица и еще студент Полетика. Приходили впрочем и другие лица, случайные, но не часто.

Во время таких собраний читались сочинения по этике, философии, социологии и политической экономии. Книги эти брались или из моей библиотеки, или приносились со стороны. Кроме книг и брошюр цензурных иногда приносились в брошюрах или рукописях недозволенные вещи, обращавшиеся в то время среди студенчества, большей частью представлявшие популяризацию политико-экономических теорий Маркса, Родбертуса и других, как например, популярная книжка по теории Маркса Каутского женевского издания. Заглавий других брошюр или книг не припомню.

Я припоминаю, что мы читали раз что-то из сочинения Туна «История социального движения в России», переписанное из книги того же названия. Помнится, что кто-то из нашего кружка или из числа знакомых кого-нибудь из членов кружка знал лично Водовозова, переводившего некогда сочинение Туна на русский язык и чуть ли не издавшего его. Издание было уничтожено, остался же авторский экземпляр, но автор или его родные никому не давали его читать.

Таким образом, возможно, что прочитанное было списано с книги и, может быть, было переведено с немецкого. Кто именно принес эту рукопись, решительно не помню.

Карл Иоганн Родбертус-Ягцов (1805 – 1875) был в то время весьма популярным немецким экономистом. Из книги М.И. Туган-Барановского «К лучшему будущему»:

Если сравнивать Родбертуса с Марксом, то нельзя не признать, что теория нетрудового дохода нашла у Родбертуса более точное и лирически стройное выражение, чем у Маркса. Родбертусу требуется несколько страниц для выражения того, что Маркс излагает на десятках и сотнях страниц. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теория ренты автора «Социальных писем» глубже и богаче содержанием всего того, что написал по тому же вопросу Маркс.

Полиция почему-то не заметила сильного крена студентов Технологического в сторону изучения трудов К. Маркса, а «зациклилась» на обстоятельствах чтения других запрещенных в России книг.

По информации сына Ивана, Роберт в 1890 – 1891 годах даже стал теоретическим руководителем марксистского кружка Михаила Ивановича Бруснева. Как свидетельствовал член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Иван Иванович Радченко, в марксистский кружок, в котором занимался Р.Э. Классон, входили также его старший брат Степан Радченко, Я.П. Коробко, Н.К. Крупская, О.К. Григорьева-Витмер и еще несколько человек.

Н.К. Крупская тоже характеризовала Р.Э. Классона как руководителя кружка:

Сестра моей гимназической подруги ввела меня в кружок технологов-марксистов. Вся жизнь показалась мне совсем в другом свете, и особенно сильное впечатление произвели на меня тогда речи Бруснева и Роберта Эдуардовича.

Они заставили меня понять, что вне марксизма я не найду ответов на те вопросы, которые в то время волновали меня, заставляли искать цельного мировоззрения, ответов на то, что должна я делать в жизни. Именно Бруснев и Р.Э. своими речами, своими горячими выступлениями подчеркнули всю важность занятий марксизмом <...>.

Р.Э. был хорошо уже в это время подкован в марксизме, читал не только «Капитал» и то, что было на русском языке, а читал кое-что из Маркса и в заграничных изданиях,

но он никогда не стремился показать своего превосходства и держался очень просто. Р.Э. был фактическим руководителем того кружка, куда я входила.

Кроме него в кружок входили: Яков Петрович Коробко, Ольга Константиновна Григорьева (Витмер), Степан Иванович Радченко и еще несколько человек. (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС, 1926)

На эту характеристику киевская родственница С.Н. Мотовилова дала такую ремарку в письме И.Р. Классону: **“Вы заметили, что, вспоминая участников кружка, которым руководил Классон, о тете Соне Крупская так и не вспомнила. Тетя Соня попала в число «других», бывших в этом кружке! Такая яркая, такая интересная, умная тетя Соня”**. Эта ремарка, между прочим, подтверждает факты довольно быстрого знакомства Роберта и Софьи во время учебы и их постоянного общения в Петербурге.

Н.К. Крупская продолжила свои воспоминания так:

В то время, когда в Питере стали образовываться марксистские кружки, сразу наметились два направления. Одно направление было так называемый «легальный марксизм», который указывал только на то, что в России развивается капитализм, и другое течение – марксистское в настоящем смысле этого слова, которое указывало на то, что развитие капитализма связано с рабочим движением, что вместе с ростом капитализма растет и крепнет его могильщик – рабочий класс. Роберт Эдуардович был тогда в группе революционных марксистов.

Однажды, помню, я написала отзыв о какой-то книжке Спенсера. Прочитав рецензию, Р.Э. заметил: “У автора видно знание «Капитала», но видать также, что он не знает политических брошюр Маркса, не знает основного сочинения Маркса – «Коммунистического манифеста»”. Потом я не раз вспоминала это замечание и поняла, как оно было важно. Действительно, важно было изучать не только экономическое учение Маркса, но и подход Маркса к вопросам политики.

В то время Р.Э. принимал активное участие в студенческом движении. Устройство студенческих библиотек, подбор сочувствующих марксизму студентов, организация их в кружки – это было тогда дело очень большое и делалось оно с чрезвычайной внимательностью и заботливостью.

Я помню, например, тот список литературы, который передал мне Р.Э.: из всего запаса марксистской, главным образом журнальной, литературы было отмечено все самое ценное.

Роберт Эдуардович, правда, трансформировался через какое-то время, как будет видно ниже, из революционных марксистов в «эволюционные». Да и история показала, что К. Маркс крепко ошибался – капитализм не похоронен до сих пор (хотя большевикам удалось сделать это в России, но «лишь» на семь десятилетий, и в странах «народной демократии» – на менее длительный срок). Возможно, потому что капитализм вынужден был вобрать в себя сильно развитые социальные аспекты и элементы государственного планирования (то есть важные черты социализма).

И именно при нынешнем капитализме на Западе стало возможным более или менее полное развитие демократии. России, которая сбросила иго большевизма в начале 1990-х, предстоит еще пройти нелегкий путь гармонизации отношений капитала и труда – прежде всего, существенно снизить нынешний недопустимо резкий разрыв между доходами самых богатых и самых бедных, задавить до некоего «приличного уровня» коррупцию среди чиновников и бизнесменов. И, кроме того, перейти от «регулируемой

демократии» (трансформировавшейся даже в т.н. «тандемократию») к подлинной власти народа (хотя бы активных его слоев).

При этом автор не собирается порицать «лихие девяностые», как это с упоением делают сейчас многие политики и журналисты. Ведь первый президент России Б.Н. Ельцин и его соратники смогли избавить нас от тоталитаризма «Софьи Власьевны», ввести, пусть и с некоторыми издержками, рыночную экономику и освободить россиян от семидесятилетнего массового дефицита товаров и услуг. Конечно, задача следующих поколений историков и социологов – объективно и детально оценить «малокровную замену» одной политической системы на другую и все плюсы и минусы такого перехода.

Главное, удалось избежать гражданской войны и тотального голода, как это произошло при захвате власти большевиками.

Как писала бывшая секретарь Надежды Константиновны Вера Соломоновна Дридзо в своей книге «Н.К. Крупская», связавшись со студентами-технологами, последняя сначала вступила в кружок Я.П. Коробко, ставивший себе задачу изучить революционную этику. А на следующий год вошла в кружок Р.Э. Классона, изучавший I том «Капитала», и потом в кружок М.И. Бруснева, где разбиралось развитие капитализма и рабочего движения в России⁸. Оставляем профессиональным исследователям проследить связи (или даже переплетение) между «марксистскими кружками» и кружками, входившими в сферу деятельности «Южно-Русского землячества».

В послесоветское время желтая пресса уделила немало внимания сплетням о «неформальных связях» между Р.Э. Классоном и незамужней тогда Н.К. Крупской. Отметилась здесь и писательница Лариса Васильева, немало потрудившаяся над «Кремлевскими женами». Именно при ее информационном содействии в бульварном «Московском комсомольце» появилась разнузданная публикация под «горячим» заголовком «Крупская обожала пирожные и одевалась на блошиных рынках». Приведем здесь лишь касающиеся Роберта строки из этой статейки:

В архиве мне выдают тонкие желтые странички воспоминаний близкой подруги Надежды Константиновны – Ариадны Тырковой-Вильямс (они вместе учились в гимназии) <...> Ариадна Тыркова пишет, что в те годы Крупская была хороша собой: «У Нади была белая, тонкая кожа, а румянец, разливавшийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый».

Похоже, следующий «судьбоносный мужчина» на жизненном пути Надежды Константиновны [(после «друга семьи» Николая Утина)] видел в ней скорее симпатичную девушку, чем товарища. Студент-электротехник Роберт Классон вел марксистский кружок. Ариадна Тыркова-Вильямс: «Надя мне часто рассказывала про одного интересного товарища, благодаря которому она прочла Маркса. Они проводили много времени вместе, обсуждали, спорили». Классон даже отдавал Крупской свой читательский билет, и та по нему проходила в библиотеку. Некоторые утверждают, что у Крупской и Классона был откровенный роман <...>. Как бы то ни было, Ленин впоследствии относился к Классону настороженно.

После революции инженер, который, кстати, готовил план ГОЭЛРО, просил выпустить с ним в германскую командировку сына Ивана. Секретной запиской в ВЧК Ленин это запретил <...>. Годы спустя, когда Надежда уже была верной женой вождя, сестра Ленина Анна обсуждала сплетни о том, как ее невестка в юности «таскалась с товарищами». На такие сплетни Крупская отвечала молчанием.

⁸ Дридзо В.С. Надежда Константиновна Крупская. М., Госполитиздат, 1958.

Сплетня о том, что, якобы, уже в советское время В.И. Ульянов-Ленин мелко мстил своему «предшественнику», притянута здесь «МК» за уши. Обстоятельства временного запрета на поездку И.Р. Классона за границу мы подробно осветим в очерке «Под большевиками».

Здесь же отметим, что в фотоальбоме С.И. Мотовиловой-Классон имеется карточка молодой Надежды Крупской. Духовные и товарищеские связи петербургской интеллигентской молодежи были довольно крепкими. Да и вряд ли бы гордая Софья стала хранить фото своей «предшественницы», имевшей чуть ли не интимную связь с ее будущим мужем.^{9*}

Надежда Крупская

(из альбома С.И. Мотовиловой-Классон)

* В опубликованных (и приглаженных?) «Воспоминаниях» Ариадны Тырковой-Вильямс приводится такой эпизод:

«Уже не в Петербурге, а летом у них на даче, под Окуловкой, впервые услышала я от Крупской имена Карла Маркса и Ульянова. Было мне тогда лет семнадцать [А.В. Тыркова-Вильямс родилась в 1869 году, выходит, сей сюжет необходимо отнести к 1886-му? – М.К.]. <...> Надя изменилась. С ней что-то произошло. Что-то новое пробивалось сквозь прежнюю монашескую тихость. Точно Надя прислушивалась к голосу, для нас неслышному, для нее бесконечно более значительному, чем все, что мы могли бы ей сказать.

Оно так и было. В глухую новгородскую усадьбу Надя привезла новое откровение – «Капитал» Карла Маркса. С улыбкой не просто радостной, но блаженной она мне сказала, что никакой другой книги с собой не взяла, что, конечно, за три месяца изучить Маркса нельзя, но что она уже «штудировала» его под руководством Ульянова. Она замялась, поправилась:

– Одного товарища.

<...> Тогда он еще назывался не Ленин, а Ульянов. Надя говорила о нем скупно, неохотно. Я ни одним словом не дала ей понять, что вижу, что она в него влюблена по уши. <...>»

Здесь Ариадна Владимировна за давностью лет совместила несколько эпизодов, происходивших в Петербурге, и двух исторических персонажей. Как мы уже могли прочитать, в 1890 – 1891 годах Н.К. Крупская входила в марксистский кружок М.И. Бруснева, где под руководством Р.Э. Классона изучали «Капитал» К. Маркса. А с В.И. Ульяновым-Лениным она познакомилась лишь в 1894 году, на охтенской квартире Классонов. Так что если принять за основу Окуловский эпизод, то он никак не мог произойти ранее 1890 года, а под «одним товарищем» мог иметься в виду Р.Э. Классон, но никак не В.И. Ульянов-Ленин. Возможно и то, что Наденька влюбилась в очаровательного Роберта, ну а в 1894 году все свои пылкие чувства она переместила на Володю...

В 1886 году студенты, в т.ч. Технологического института, и молодые рабочие решили отметить четверть века со дня смерти публициста и революционного демократа Н.А. Добролюбова: отслужить панихиду, возложить венки на могилу. Процессия собрала полторы тысячи человек, ее разогнала полиция, а среди арестованных оказалось пять студентов-технологов.

В 1889 году в Петербурге хоронили писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина. За гробом шли студенты, курсистки, гимназисты, учителя, молодые рабочие. Вокруг было много вооруженных полицейских, а у ворот по пути шествия стояли дворники (которые при царском и большевистском режимах обычно являлись полицейскими/милицейскими осведомителями). Но процессию с гробом власти разгонять не решились, поэтому она благополучно добралась до Волкова кладбища. Здесь люди выступали с речами и стихами.

В 1891 году, как упоминалось, в яркую политическую демонстрацию студентов и рабочих вылились похороны писателя Н.В. Шелгунова. Как свидетельствуют материалы Департамента полиции МВД, они сопровождались стычками между полицией и толпой. Стычки имели весьма тяжелые последствия для ряда участников и даже для некоторых лиц, не участвовавших в похоронах.

Ряд студентов был исключен из учебных заведений и выслан, причем двадцать один из них – без права поступления в другие учебные заведения, были высланы также несколько рабочих, гимназистов и писателей.

К сожалению, Роберт Эдуардович не оставил живых воспоминаний о своей «революционной деятельности» в студенческие годы. Анкета, заполненная им в 1925 году, это лишь протокольное изложение таковой, не более того.

Поэтому обратимся к свидетельству и, главное, к достаточно правдоподобной психологической оценке участницы похорон Н.В. Шелгунова, мимоходом уже упомянутой Л.Б. Красиным и А.В. Тырковой-Вильямс, которая училась тогда на Высших женских курсах (цитируется по опубликованным мемуарам «То, чего больше не будет»):

Похороны каждого сколько-нибудь приметного оппозиционного писателя служили для интеллигенции предлогом, чтобы проявить собственное оппозиционное настроение. Лучше было бы оставлять покойников в покое, не разыгрывать вокруг них политических демонстраций. Тогда я этого не понимала и делала как все – бежала на панихиду только оттого, что ее служат в память кого-то, кто «пострадал за свои убеждения».

О таких панихидах и похоронах сразу становилось известно без всяких газетных оповещений... Литераторов было принято отпевать во Владимирском соборе, а хоронить на Волковом кладбище на литературных мостках. Пока в церкви совершалось отпевание, на Владимирской площади собиралась толпа, главным образом молодежь. Были и пожилые люди с сосредоточенными лицами опереточных заговорщиков. Большинство топталось на улице. Церковная служба мало кого интересовала.

Кругом площади темнели фигуры городских. Это придавало всему происшествию героический оттенок. Вряд ли многие манифестанты и манифестантки знали, кого, собственно, хоронят, чем покойник заслужил многолюдные проводы. Но раз прислан наряд городских, значит, он был неблагонадежный, значит, необходимо прийти, даже если за это придется пострадать. Ну а помимо политических соображений молодежь сбегалась просто, чтобы потолпиться, на людей посмотреть и себя показать, чтобы в чем-то участвовать.

Участие выражалось в ряде невинных, но запретных поступков. Венки, пение, речи над могилой – все могло дать повод к вмешательству полиции. Венки разрешались, но не разрешалось их нести, надо было класть их на колесницу. Полиция ревниво наблюдала за лентами, за их цветом, за надписями на них.

Иногда шествие двигалось, и вдруг студенты выносили из боковой улицы новый венок. Около него тотчас же появлялся пристав. Он осматривал ленты, читал надписи, неодобрительно качал головой. Начинались переговоры. Все шествие приостанавливалось. По рядам пробегал ропот. Молодые глаза загорались. Пожилые люди значительно переглядывались. Казалось, вот-вот произойдет столкновение. Но все как-то устраивалось.

Импровизированный хор, который по дороге на кладбище несколько раз пел «Вечную память», тоже порождал недоразумения. Опять что-то сгущалось над нашими головами и опять рассеивалось. Многие шли на похороны ради этого мнимого, но волнительного чувства опасности. Но у петербургской полиции хватало смысла не обострять настроение. Ленты убирались незаметно.

Светское пение, вроде «Вы жертвою пали в борьбе роковой», конечно, не допускалось, но «Вечную память» можно было петь кому угодно и сколько угодно. Отважные речи на могиле было трудно расслышать. Они рассеивались в воздухе. Мешал шум деревьев, мешали сами демонстранты, перебежавшие от могилы к могиле, чтобы лучше слышать и видеть. Хотя, по правде сказать, смотреть было не на что.

Самое страшное в этих похоронных проявлениях гражданских чувств было то, что на них обычно царил совсем не похоронное настроение. Старшие смотрели на печальную процессию как на повод воспитать в следующем поколении привычку к протесту. Младшие, которых было большинство, приносили с собой запас бунтарской энергии, желание проявиться. И добрый заряд совсем не похоронного веселья.

В хорошую погоду это была многолюдная прогулка через весь Петербург в полудеревенское предместье, где раскинулось усаженное березами Волково кладбище. Обычно шли своей компанией и меньше всего думали о том, за чьим гробом шли.

В то же время, как свидетельствуют материалы Департамента полиции МВД, похороны Н.В. Шелгунова были далеки от «многолюдной прогулки» и даже вылились в стычку между полицией и толпой (что подтверждал и Л.Б. Красин). Стычка к тому же имела весьма тяжелые последствия для ряда участников и даже, как будет видно, для некоторых лиц, не участвовавших в похоронах.

В обоснование этого утверждения обратимся, прежде всего, к самому воззванию «15 апреля 1891 г. [прошли похороны Н.В. Шелгунова]», которое его авторы пытались разослать в 24 адреса по всей России (но оно было перехвачено на петербургском почтамте):

Все мы, русские, лишены всякой возможности проявлять свои симпатии уважаемым деятелям печатного слова при их жизни. Похороны давно уже сделались единственным моментом, когда читатели публично чтут своих учителей, публично выражают свою солидарность с их идеалами и тем оказывают нравственную поддержку живым деятелям. В лице Шелгунова русское общество потеряло одного из последних «шестидесятников», так много сделавших в области общественного самосознания.

Немудрено, что тысячная толпа, провожавшая гроб Николая Васильевича, захотела возможно нагляднее выразить к нему свои симпатии: студенты и литераторы, вынесшие гроб из квартиры, хотели было нести его на руках до могилы. Но тут

полиция учинила нечто невероятное: она набросилась на гроб и стала его вырывать из рук. Толпа, возмущившаяся этим нахальным изуверством полиции, настаивала, чтобы полицейские ушли прочь, чтоб «они не смели осквернять гроб своим прикосновением». Но энергия полиции лишь усиливалась, и тело покойного чуть не вываливалось из гроба.

Боясь подобного поругания над трупом, Н.К. Михайловский и другие литераторы, бывшие у гроба, убедили толпу уступить полиции и поставить гроб на погребальную колесницу. Прогнанные от гроба, возмущенные диким насилием, лишенные возможности несением гроба почтить память Николая Васильевича, студенты решили нести венки, возложенные на гроб покойного. Произошло новое замешательство: полиция, увлеченная первой победой, набросилась на державших венки и стала их отбирать. Но толпа, не менее студентов возмущенная поведением полиции, настояла на том, чтобы нести венки, оттеснила полицию, и процессия с торжественным пением «Святый Боже» двинулась к кладбищу.

Полиция пыталась было запретить и пение, но это оказалось выше ее сил. И два хора в несколько сот человек, не умолкая, попеременно пели, сливаясь иногда в один общий величественный хор.

Новое столкновение произошло через несколько шагов от квартиры покойного, когда процессия дошла до угла Воскресенского проспекта и Кирочной улицы. Полиция требовала, чтобы тело везли по Знаменской и Лиговке, по менее людным улицам, – толпа желала повернуть на Кирочную, пройти по Литейному и Невскому проспектам. Три раза направлялись то в ту, то в другую сторону, и только энергичная настойчивость наэлектризованной и возмущенной толпы решила дело.

Не доходя нескольких сажен до Волкова кладбища, гроб был снят с колесницы и внесен в церковную ограду на руках студентов и рабочих. На кладбище порядок не нарушался; сказано было несколько речей, довольно бледных по содержанию, и публика мирно разошлась по домам.

Р.Э. Классон и его друг Я.П. Коробко, конечно же, были на похоронах Н.В. Шелгунова (хотя, скорее всего, и не участвовали в стычках с полицией), и вся эта вакханалия должна была крепко запасть им в душу.

А вот свидетельство М.И. Бруснева о косвенной причастности Роберта к данному событию:

Незадолго до смерти литератора Н.В. Шелгунова возникла мысль поднести ему адрес от рабочих. Я не помню, у кого впервые зародилась эта мысль. Полагаю, что у старой писательницы Екатерины Егоровны Бартеневой, руководившей одним из наших кружков работниц. Статьи Н.В. Шелгунова в тогдашней «Русской мысли», а также в старых журналах, читались рабочими, и имя его было известно в передовых слоях рабочего класса. Поэтому и мысль почтить больного писателя адресом встретила сочувствие у рабочих. Был составлен адрес и избрана делегация от рабочих. Адрес составляли сами рабочие, но редактировал его В.С. Голубев.

<...> Одновременно с рабочей делегацией Н.В. Шелгунова посетила и делегация студентов. Я не помню теперь состава этой делегации, но в нее входил и Л.Б. Красин. В одной из книжек «Русской мысли» Шелгунов поместил статью о современной молодежи, в которой писал, что народился новый тип молодежи, идущий новыми путями на смену прежнего поколения с твердой верой в лучшее будущее. Статья эта написана под впечатлением бесед с делегацией, а новый тип молодежи Шелгунов увидел в Л.Б. Адрес и рабочая делегация к Шелгунову оставались некоторое время неизвестными полиции. Шелгунов вскоре после этого умер (в апреле 1891 года).

Наша рабочая организация решила принять демонстративное участие в похоронах писателя. Был сделан венок с красными лентами и с надписью – «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». На фабриках и заводах было объявлено о времени похорон.

Большая группа наших рабочих со своим венком явилась к дому, где умер Шелгунов (на Воскресенском проспекте). Похоронная процессия после некоторого препирательства с полицией, во главе с группой рабочих, несших венок с красными лентами, двинулась к Литейному проспекту, оттуда по Невскому и далее до Волкова кладбища. Впечатление от этой демонстрации было огромное во всех слоях общества. Оно и не удивительно – ведь в сущности это было первое выступление русского рабочего класса на арену политической борьбы.

В тот же день видные рабочие, принимавшие участие в демонстрации, были арестованы и затем высланы из столицы. Рабочий Гавриил Мефодиев, высланный в Тулу, говорил мне, что его и других участников в демонстрации узнали по фотографии, снятой с похоронной процессии во время одной из остановок.

В день похорон Шелгунова Л.Б. держал один из самых главных экзаменов – по органической химии. Я советовал ему на похороны не приходить, так как это грозило ему высылкой из Петербурга. Моего совета он не послушал. Сдав блестяще экзамен, он успел присоединиться к процессии у самого кладбища. В ту же ночь он был арестован и через несколько дней выпущен с приказанием немедленно уехать из столицы.

Участие Л.Б. в рабочей организации осталось на этот раз неизвестным полиции. Он был выслан просто как студент, уже раз исключенный и принятый вновь лишь при условии не участвовать ни в каких беспорядках и демонстрациях.

Я зашел проститься с Л.Б. к нему на квартиру. Провожать на вокзал было неудобно в конспиративном отношении. Большая комната на Забалканском проспекте, где он жил вместе со своим братом, была переполнена студентами и курсистками, пришедшими проводить Л.Б.

Здесь были студенты: С.И. Радченко, Р.Э. Классон (впоследствии известный инженер, друг Л.Б.); курсистки: Л.В. Миловидова, впоследствии жена Л.Б., Н.К. Крупская и много других, имена которых теперь не припомню. («Первые революционные шаги Л. Красина», 1928. См. Приложение «Л.Б. Красин и «сподвижники»»)

В Технологическом училище, как мы уже упоминали, и будущие коллеги Р.Э. Классона – Леонид и Герман Красины (а позже и их младший брат Александр). За участие в апреле 1891 года в похоронах радикального писателя и публициста Николая Васильевича Шелгунова оба они были исключены из института без права поступления в другие учебные заведения. Впоследствии Герман Борисович так вспоминал про бурную жизнь в Технологическом:

Наша столовая тогда была своего рода студенческой «Запорожской сечью», которая по какому-то странному попустительству начальства представляла собой автономное учреждение, помещавшееся во дворе института в отдельном здании и управлявшееся во всем самим студенчеством на началах широкой демократии. Там никогда не бывала нога институтского полицейского и инспекторского надзора, и даже не видно было явных шпиков ни в самой столовой, ни около нее. В столовой протекала главная струя общественной жизни студенчества. Там же формировались и отдельные группы студентов, значительно разобщенных в самом институте по условиям своей учебной работы. (Красин Г.Б. Степан Иванович Радченко / «Старый Большевик», 1933, сб. 2)

Германа Красина хорошо дополняет его старший брат:

Одним из наиболее важных учреждений этого рода была столовая технологов, помещавшаяся в самом институте в небольшом здании во дворе против ворот с Забалканского проспекта, там, где она, по всей вероятности, и сейчас еще находится.

Столовая существовала на средства, каким-то чудом отпускавшиеся канцелярией института, и, что еще более непонятно, ее управление находилось всецело в руках самих студентов.

Существовала особая комиссия по управлению столовой, избиравшаяся всеми студентами по курсам путем подачи записок, кажется, двойной баллотировкой. Причем кандидаты, установленные на основании записок, подвергались затем «народному голосованию» в самой столовой, на стенах которой вывешивались списки с кандидатами, и каждый из студентов плюсом или минусом против имени кандидата выбирал или проваливал его в так называемые «распорядители» столовой.

Собрание «распорядителей», разделявшееся на различные комиссии (административную, мясную, овощную и т.д.), заведывало всем хозяйством столовой, приискивало эконома, поваров и другой служебный персонал, заключало соглашения с поставщиками провизии, устанавливало таксу за кушанья и вообще руководило всем этим довольно значительным хозяйственным предприятием, питавшим временами до тысячи посетителей.

Инспекторская нога не вступала на территорию столовой, и даже во время студенческих беспорядков инспекция, по какой-то установившейся традиции, не решалась сунуться в столовую. И только в большие беспорядки 1890 года, когда в столовую была приведена группа арестованных студентов, столовая увидела в своих стенах – и то не инспекцию, а городовых, околоточных и приставов петербургской полиции: это почиталось еще более сносным по сравнению с инспекцией.

Столовая, помимо того, что многим сотням технологов позволяла избавиться от преждевременных катаров желудка, играла, несомненно, большую роль в деле объединения и сплочения студенчества. Прежде всего, она была местом, где ежедневно бывал почти весь институт и где можно было встретить нужного товарища или группу товарищей. Правда, никакие сходки и большие совещания в столовой обыкновенно не разрешались, и сами распорядители довольно строго за этим следили, так как имелось серьезное предупреждение директора института, что столовая неминуемо будет закрыта, если ею будут пользоваться для сходок.

Тем не менее, групповые совещания всегда можно было устраивать в столовой или подготавливать там и организовывать собрания кружков и вне стен института. В столовой можно было вывешивать всякого рода анонсы и объявления, производить сбор денег на всякие нелегальные надобности, передавать друг другу книги и брошюры и вообще обделывать все студенческие дела, не опасаясь прямо попасться на глаза инспекции. Уже и это само по себе в те трудные времена было громадным преимуществом, отличавшим технологов от всех других студентов. (Л. Красин. Из воспоминаний петербургского технолога, 1924 г. См. Приложение “Л.Б. Красин и «сподвижники»”)

Здесь необходимо остановиться на еще одной весьма серьезной организации, после столовой – студенческих библиотеках. Л. Красин так описывал это явление:

Другим учреждением, но уже нелегальным, была библиотека. Официальная библиотека института, заключающая в себе довольно богатое собрание книг по

экономическим и социальным наукам, в наше время была наполовину уже запечатана, и в ней выдавались для чтения студентам исключительно только технические книги.

При громадной тяге, существовавшей у студенчества к изучению экономики и социологии, к запрещенным классикам и к революционной литературе, понятно было стремление иметь какую-то библиотеку, в которой можно было получить все эти сочинения, частью изъятые из публичных библиотек, частью даже совершенно запрещенные. Некоторая свобода печати 70-х годов позволила различным издателям выпустить кое-какие переводные, а иногда и оригинальные сочинения, имевшие тогда более или менее близкое отношение к основной задаче, занявшей тогда умы революционной молодежи, – хождению в народ и борьбе с самодержавием.

Появились также кое-какие книги и по теории и истории социализма, а также сочинения народников, отстаивавших точку зрения «самобытного развития России». В 80-х годах большая часть этих книг была запрещена и конфискована правительством.

Таким образом, не только «Исторические письма» Лаврова (Миртова), но и первый том «Капитала» Карла Маркса, первый и второй томы сочинений Лассалья и даже перевод «Политической экономии» Милля с примечаниями Чернышевского были запрещенными книгами. Даже такие невинные беллетристические произведения, как «Что делать?» Чернышевского, были под запретом, и нахождение такой книги при обыске уже обеспечивало арест, тюремное заключение и высылку из Петербурга.

Я не знаю, кем и когда было положено основание нелегальной студенческой библиотеки, но факт тот, что немедленно по открытии учебных занятий все мы, новички-студенты с левым уклоном, наперебой друг с другом стремились записаться в очередь кандидатами на получение тех или иных книг, пользовавшихся в те времена наибольшей славой. Эти большей частью запрещенные или изъятые из обращения книги (нелегальных в собственном смысле слова среди них в библиотеке почти не было) хранились небольшими партиями, по 2-3 книги, на квартире у ответственных библиотекарей-студентов и выдавались на руки читателям в порядке очередности по записям в особых каталогах, которые ежедневно выкладывались в чертежных у дежурных библиотекарей.

При такой системе хранения и выдачи книг вся организация получала почти неуловимый для инспекции и полиции характер, так как, в худшем случае, могли провалиться один или два студента-библиотекаря, а вместе с ними не больше полдюжины книг, и, в общем и целом, библиотека действовала более или менее исправно, и имущество ее, если и подвергалось утратам, то главным образом из-за небрежности и потери книг, а не из-за полицейских.

Конечно, инспекция и полиция догадывались о существовании библиотеки, но они не слишком рьяно ее преследовали. Тут было так же, как и в столовой, нечто вроде молчаливого соглашения. Сами студенты избегали в этой библиотеке держать революционные издания, очевидно, с тем чтобы не подать лишнего повода полиции и жандармам слишком придирчиво относиться к библиотеке; с другой стороны, ни инспекция, ни полиция не решались затевать большого скандала, зная, что при сплоченности студентов все равно не удастся целиком провалить эту организацию.

Конечно, при посредстве этой полулегальной библиотеки устанавливалась хорошая связь и для распространения уже чисто революционных брошюр и прокламаций теми кружками, которые, не имея официального касательства к столовой или библиотеке, пользовались ими уже в своих революционных целях. Я в течение нескольких лет был библиотекарем, предаваясь этому делу с рвением спортсмена. Элемент спорта был

тут не только в связи с некоторым риском, но в особенности также поскольку дело шло о пополнении библиотеки редкими книгами.

В Петербурге не было ни одной лавочки букинистов, которую я не посетил бы, и, если где-либо появлялся первый том «Капитала», или Лассаль, или Чернышевский, знакомые букинисты давали мне знать, и я отправлялся добывать книгу, не останавливаясь даже перед такими сверхъестественно большими по тогдашним временам затратами, как 10 или 15 рублей за одну книгу.

При теперешнем обилии всякого рода социалистической литературы, трудно понять то ликование, которое охватывало нашу коллегия библиотекарей, когда кому-нибудь из нас удавалось из глубин петербургской торговли старыми книгами выудить какой-либо редкий экземпляр такой литературы. (Из воспоминаний петербургского технолога, 1924 год)

Высказался Леонид Борисович и по землячествам и кружкам самообразования, вполне солидарно с Р.Э. Классоном о резком снижении интереса к последним со стороны студентов (см. выше), но ставшим важным переходным звеном к профессиональной «революционной работе» (чего Роберт Эдуардович, слава Богу, избежал):

Землячества в описываемое время уже приходили в упадок, если не считать наиболее сильного из них, сибирского, а кроме того, эти весьма расплывчатые и неопределенные организации не приурочивались к определенным учебным заведениям, а объединяли в себе студенчество различных высших школ по признаку происхождения из той или иной области России.

Остается упомянуть о нелегальных кружках, которые служили частью для самообразования, частью же являлись переходным звеном от студенчества к революционным партиям. Кружков самообразования было довольно много, и они стояли в ближайшей связи с библиотекой, и самообразование кружка происходило часто на почве обмена книгами, взятыми из той же студенческой библиотеки. Кружки технологов имели определенный уклон к занятию политической экономией, и в них же впервые стало складываться резкое оппозиционное настроение по отношению к господствовавшему тогда народничеству.

Знакомство с теорией Карла Маркса, и в частности с «Капиталом», также, вероятно, чаще всего имело место у технологов, просто уже по одному тому, что здесь можно было достать «Капитал», который в библиотеке имелся, если не ошибаюсь, в 4 или 5 экземплярах, тогда как в библиотеках других высших учебных заведений книгу Маркса вообще нельзя было получить.

Несомненно, что и соприкосновение с рабочей средой во время практических занятий в мастерских и на фабриках и заводах пробуждало у технологов интерес к рабочему движению. Общие революционные традиции, сохранившиеся в институте со времен «Народной воли», к концу 80-х годов начали приобретать определенную социал-демократическую окраску. Кружки самообразования, изучавшие политическую экономию, приходили к выводу о бесполезности той тактики борьбы, которую выдвигала «Народная воля», и о необходимости перехода от террористических актов к пропаганде и агитации среди рабочих, к организации рабочих кружков и рабочего движения, вначале как главного средства борьбы за политическую свободу.

Поступление мое в институт в 1887 году совпало с наибольшим разгромом всех революционных организаций в Петербурге да, вероятно, и во всей России. Будучи совсем молодым студентом, я, конечно, еще не был вхож в весьма конспиративные кружки, имевшие отношение к революционной работе, но я едва ли ошибусь, если скажу, что в

то время сколько-нибудь серьезной народовольческой организации в Технологическом институте уже не было, а новое марксистское социал-демократическое течение еще не успело выйти из пеленок. Нам, первокурсникам, рассказывали о провале группы террористов-народовольцев во главе с А.И. Ульяновым, братом Владимира Ильича, казненным в начале 1887 года в связи с неудачной попыткой покушения на Александра III.

Кто именно из технологов был первым марксистом, я не могу сказать. Кажется, одним из первых был некто Лелевель, уже окончивший институт, когда я только что поступил на первый курс. Я лично не знал Лелевеля, но, кажется, именно он был организатором того кружка, в который впоследствии вошли Бруснев, Баньковский, Цивинский и Бурачевский и который несколько позднее, в 1890 году, привлек и меня к пропагандистской работе среди петербургских рабочих. Обычная тактика таких кружков состояла в том, что, пользуясь столовой, библиотекой и другими студенческими учреждениями, они выбирали и высматривали тех молодых студентов, которые проявляли известный интерес к теоретическому ознакомлению с социализмом и по своим личным качествам представлялись способными заполнять кадры революционных борцов.

С таким студентом завязывалось знакомство сначала без затрагивания каких-либо рискованных тем; его снабжали литературой, переходя постепенно к более злободневным вопросам. Попутно выяснялись особенности его характера, степень выдержанности и конспиративности, готовность идти на работу и т.п.

Одним из таких «дядек», приставленных ко мне вначале, был Цивинский. Довольно хорошо подготовленный по вопросам экономики и знакомый с Марксом, он все же не вполне порвал и с народовольческой традицией, и я припоминаю его аргументы в пользу необходимости начать пропаганду среди рабочих.

Они сводились главным образом к тому, что царский режим быстро идет под уклон, неизбежен ряд восстаний внутри страны и в больших городах, и что вот на случай такой революции необходимо, чтобы в таком центре, как Петербург, была уже готова организация, могущая, если не взять власть в свои руки, то направить революцию по желаемому пути. Такая власть, по мнению Цивинского, могла выйти из организации фабричных и заводских рабочих Петербурга, как наиболее прогрессивного и организованного элемента народной массы.

Впоследствии я ближе сошелся с М.И. Брусневым, который, вместе с С. Голубевым, был душой и организатором тогдашних рабочих кружков Петербурга. Бурачевский, сверстник мой по курсу, был весь революционно настроенным и преданным делу работником. Он довольно скоро был арестован где-то в рабочем квартале и получил затем многолетний приговор в Кресты.

Я с тех пор так и не слышал о нем. Не может быть, чтобы этот горячий и самоотверженный революционер не вынырнул где-нибудь в нашем движении. Очевидно, он так и погиб в царских тюрьмах, не дожив до широкого развития того рабочего движения, помощи которому он решил посвятить свою жизнь. Так же безвременно погиб другой наш товарищ, технолог Политика родом с Украины. Очень способный и много обещавший юноша погиб в 1888 году от тифа.

Я в другом месте более подробно рассказываю о рабочем кружке М.И. Бруснева и о той существовавшей параллельно с ним первой рабочей организации Петербурга, которую обслуживал наш кружок. Наша работа была ликвидирована в 1891 – 1892 годах, но немедленно же на смену выдвинулся другой кружок технологов, продолжавший наметившуюся марксистскую линию.

Уже и в наши времена была завязана некоторая связь с заграничной «Группой освобождения труда», и брошюры Плеханова, Аксельрода, Веры Засулич служили нам большой помощью и ободрением в нашей пионерской работе среди петербургских рабочих и в нашей борьбе с народниками.

Степан Иванович Радченко продолжал работу Бруснева и был одним из организаторов I съезда РСДРП. Радченко, тоже технолог, был весьма искусным конспиратором и держался едва ли не дольше нас всех, успел благополучно окончить институт и дальше вел работу, прикрываясь официальным инженерским положением. Умер он тоже безвременно, от случайной болезни.

Одновременно с С.И. Радченко работали студенты-технологи И.М. Чернышев, Г.Н. Богатырев, Г.Б. Красин, Г.М. Кржижановский, В.В. Старков, А.Л. Малченко и др.

В 1894 году к работе этих кружков присоединяется и Владимир Ильич Ульянов. Доисторический период нашей партии кончается с выступлением на сцену созданного Владимиром Ильичом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в организации которого наши технологи принимали большое участие. (Из воспоминаний петербургского технолога, 1924 год)

После перехвата конвертов с воззванием «15 апреля 1891 г.» на петербургском почтамте Департамент полиции немедленно завел дело, которое длилось не один год.

В воззвании было немало острых слов, задевавших «честь и достоинство» тогдашних властей, например, такие (по поводу исключения из учебных заведений и высылки из Петербурга):

Что же это за дикая расправа? И за что высылают? За что выбрасывают на улицу столько молодежи? За что лишают ее возможности кончить курс, получить развитие, знание, без которых нельзя полезно приложить свои силы? За что лишают родины честных работников? Зачем деморализуют все общество, запугивая малейшие проявления его симпатий и идеалов? Та крайняя правительственная опека, под которой живет каждый русский, кладет свою мертвящую руку не только на поступки, но и на чувства: она требует, чтобы справлялись и о том, что можно любить и что должно ненавидеть! Кто дал правительству право убивать Россию, заглушая в ней все честное, идейное, живое и тем давать еще больший простор общественному индифферентизму и произволу?

Из года в год повторяется подобная расправа, из года в год разбиваются десятки и сотни молодых жизней, выкинутых за борт, гонимых отовсюду! Из года в год систематически правительство само создает кадры недовольных, само расшатывает свое основание. Расходившееся своеволие не знает предела, прикрывает произвол «общим благом».

Пусть же горячая вера, которою был так полон недавно умерший писатель, – вера в то, что ни единая жертва произвола, ни единая слеза не могут пройти бесследно; что избранный правительством путь, облитый кровью, усеянный трупами, не может быть долог; пусть эта горячая вера поддержит всех честных людей, уже давно отвернувшихся от своего правительства!

Чем более будет жертв, тем смелее и громче будут проклятия, тем ближе день, когда русские люди потребуют ответа от своих вчерашних палачей. А сегодня этим палачам все-таки не следует забывать, что можно на штыки опираться, сидеть же на них – рискованно!!

Сразу зачинщиков воззвания «15 апреля 1891 г.» Департаменту полиции обнаружить не удалось. В мае 1891 года «сотоварищи» засветились через контакты со своим коллегой, который ранее попал «на полицейский крючок».

Из донесения в Департамент полиции С.-Петербургского охранного отделения: *«...> негласным наблюдением, учрежденным за студентом Технологического Института Антоном Гавриловым Бадюл, установлены сношения со студентами того же Института: <...> Германом и Леонидом Красиными, Михаилом Ивановым Брусневым, Робертом Эдуардовым Классоном, Яковом Петровым Коробко, <...> и Львом Петровым Клобуковым».*

Лишь в августе 1893 года полковник Шмаков из Отдельного Корпуса Жандармов установил, что воззвание набирал и делал оттиски на гектографе студент Технологического Лев Клобуков. У него на квартире тут же провели обыск, при котором была обнаружена куча нелегальной литературы (печатной и выпущенной на гектографе и литографе), детали гектографа, типографская краска и т.п. И Лев Клобуков с сотоварищами вынужден был давать развернутые показания по нескольким годам своей бурной деятельности в Технологическом (которые мы уже цитировали).

Но вернемся к профессиональной учебе Роберта. На первых трех курсах Технологического института он получал только «отлично», на четвертом оценки несколько снизились. Преддипломную практику проходил в мастерских Варшавской железной дороги, работая там помощником машиниста паровоза.

Роберт вспоминал (в передаче сына Ивана), как однажды паровоз, на котором он находился, въезжал в депо, а он высунулся из окошка и смотрел назад. Машинист лишь в последний момент втащил его за плечи обратно. Иначе ему не сносить бы головы, т.к. ворота в депо были довольно узкими. Считалось, что машинисты и их помощники не были обязаны работать сверхурочно, и практикант спрашивал своего наставника, почему же он соглашается на это, если чувствует себя утомленным после смены. Тот объяснял, что при повторных отказах от сверхурочной работы начальство может его уволить, раз здоровье не позволяет работать так напряженно, как оно нужно этому начальству.

Эту деятельность Р.Э. Классона подтверждает Департамент Полиции (в справке от ноября 1893 года), естественно, со своей, весьма специфической позиции: *«На запрос С.-Петербургского Градоначальника о политической благонадежности Роберта Классона, поступившего для практических занятий в мастерские Варшавской железной дороги, Департамент в июне 1890 г. уведомил, что о Классоне неблагоприятных сведений не имеется».*

Из упоминавшейся уже книги Н.П. Лангового:

Расширение [в 1872 г.] учебного курса [до 5 лет] дозволило, между прочим, учащимся V курса специализировать свои занятия: а именно, положено было от лиц, назначающих себя к фабричной и заводской деятельности, требовать составления полного и подробного проекта заводского и фабричного устройства, а от тех, которые желают посвятить себя службе на железных дорогах, положено было требование составления проекта паровоза, удовлетворяющего известным условиям.

Роберт в качестве дипломной работы выполнил проект паровоза. Позже он, правда, заметил в проекте ошибку, из-за которой паровоз не смог бы двигаться, если бы был построен! Институт Роберт закончил в 1891 году в звании инженера-технолога – «железнодорожника». Из цитированного уже «Краткого отчета по С.-Петербургскому Практическому Технологическому Институту за 1891 год:

Из числа окончивших курс в 1891 году Давид Розенталь по механическому отделению и Александр Лунский по химическому отделению удостоены были занесения их имен на мраморную доску института.

<...> Согласно уставу, в 1891 году окончившие курс подвергались испытанию по предмету одного из проектов в экзаменных комиссиях, которых члены были назначены господином министром народного просвещения: по механическому отделению комиссия под председательством проф., академика, генерала от артиллерии А.В. Гадолина состояла из профессоров Н.П. Петрова, П.А. Афанасьева, М.Н. Демьянова и Н.Л. Щукина и по химическому отделению под председательством бывшего директора Н.П. Ильина комиссия состояла из профессоров Н.И. Тавилдарова, Б.Т. Вылежинского и А.К. Крупского. По произведенным испытаниям означенными комиссиями из числа окончивших в 1891 году полный курс наук удостоены: звания Инженер-Технолога – 39, Технолога – 46.

Из вышеупомянутой книги В.И. Альбицкого:

Окончившие полный курс наук в Институте и имеющие в среднем выводе по каждой группе специальный предмет не менее 4, по проектам, относящимся к каждому из специальных предметов, не менее 4, среднюю отметку по вспомогательным предметам не менее 3½ и в то же время по каждому главному предмету отдельно не менее 3 (за исключением выпускного проекта по механике на V курсе и практических работ в мастерских, по которым должно быть не менее 4) – получают степень инженер-технолога с правом носить особый золотой знак, при поступлении на государственную службу – чин X класса (коллежский секретарь).

Диплом Р.Э. Классона об окончании Технологического института

Роберт Эдуардович, в отличие от своего отца, на государственной, чиновничьей службе при царе так и не побывал. Зато гордо носил золотой значок инженера-технолога (Я.П. Коробко, выходит, такого не имел, он был выпущен просто технологом и на год позже).

Его диплом гласил:

С.-Петербургский Практический Технологический Институт сим объявляет, что Роберт-Артур Эдуардович Классон, сын чиновника, 23 лет от роду, Лютеранского вероисповедования по окончании в 1891 году полного курса наук по Механическому отделению, подвергался испытанию в Экзаменационной Комиссии и оною 25 мая 1891 года удостоен звания Инженер-Технолога.

По сему, на основании Высочайше утвержденных в 23-й день марта 1887 года мнения Государственного Совета и положения об Институте, Классон приобрел право на утверждение его при поступлении в государственную службу на штатную должность техника, в чине X класса и имеет право возводить фабричные и заводские здания с их принадлежностями и жилые помещения, в непосредственной связи с ними находящимися, а также производить строительные работы, состоящие в ведении и под надзором Министерства Путей Сообщения.

Равным образом предоставляется занимать по сему Министерству должности, с коими соединено производство строительных работ, и вообще предоставляются Классону все права и преимущества, законами Российской Империи с званием Инженер-Технолога соединяемые.

На обороте диплома имелась также штемпельная отметка: «*Означенному в сем документе Роберту Классону с женою выдано из канцелярии С.П.бургского градоначальника свидетельство на жительство повсеместно в России бессрочное*». Правда, эта отметка появилась лишь в мае 1893 года, когда он вернулся из-за рубежа, будучи уже женатым на С.И. Мотовиловой.

Забавно, что уже на следующий год после выпуска Роберта из Технологического института в оном все-таки открылось электротехническое направление! Например, окончивший в 1886 году механическое отделение инженер-технолог Александр Александрович Воронов и преподававший с 1888 года черчение и проектирование, в 1892 - 93 учебном году начал читать курс лекций «*Динамо-машины, электромоторы и их применение*».

А.А. Воронов напечатал: «*Расчет сетей электрических проводов*» (М., 1895); в Известиях Технологического Института за 1897 год – «*Зарождение электротехники и современное ее состояние*»; в журнале «*Электричество*» за 1898 год – «*Теоретические исследования и расчет многофазных асинхронных электродвигателей*» и в Вестнике Общества Технологов за 1894, 1895 и 1896 года – «*Электрическая трансмиссия на механических заводах*».

Соответственно, студенты, учившиеся на пару курсов младше Роберта, могли бы уже специализироваться по этой перспективной дисциплине, а не только по паровозам! А Р.Э. Классон всю эту теорию уже вовсю осваивал на практике: внедрял трехфазный ток на Охтинских пороховых заводах, а затем эксплуатировал и строил электростанции.

Действительно, как следует из информации, опубликованной 27 мая 1893 года в газете «*Новое время*», в этом году впервые был произведен выпуск инженеров-электротехнологов.

Автор сих очерков попробовал в 2013 году снять некоторые неясности в отношении тех вещей, которые здесь приводил, у «бессменного директора» музея Технологического института Ольги Викторовны Щербининой. И вот какой забавный (и одновременно грустный) диалог у нас получился.

Я заслал такие вопросы:

1) когда институт стал выписывать электротехнические журналы (зарубежные и отечественный – «Электричество») и

2) когда в институте появилась кафедра (направление) электротехники.

Заодно выдвинул и «ценное предложение»:

Кстати, почему бы вам не оцифровать и не разместить на сайте музея упомянутый фолиант [«Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I»]? Думаю, что сия операция резко повысила бы интерес исследователей и просто обывателей к вашему сайту.

И что же я получил в ответ? Малосодержательную отписку (и отмалчивание на мое предложение):

Здравствуйте, Михаил Иванович!

В связи со сложной ситуацией в институте и в Музее, к сожалению, нет возможностей подробно отвечать на Ваши запросы. Поэтому на [ваше](#) письмо от 3 июля пока данных нет.

Что касается директоров института, то по формулярному списку Ильина значится: «1.6.1879 – назначен Директором Технологического Института (Высочайший Приказ по Министерству Финансов от 1.6.1879 г.)».

К сожалению, о дате увольнения ничего не сказано, а осенью, когда Ильин скончался, письма писал уже директор Головин. Но личное дело Головина в архиве ещё мною не просмотрено. В кратком отчете за 1891 год сказано, что по избранию Ильина членом Совета Министерства Просвещения на его место назначен Головин. Значит, произошло это 30 августа 1891 г.

Последний сюжет о смене в 1891 году директора Технологического института основывался опять-таки на моем запросе. Я хотел уточнить, кто из директоров – «старый» Ильин или «новый» Головин переписывался, в частности с Департаментом полиции по поводу увольнения студента Леонида Красина. Но так и не получил внятного ответа, поэтому пришлось первоначально комментировать эту переписку, приведенную в Приложении «Л.Б. Красин и «сподвижники»», лишь в предположительном ключе...

Только сплошной просмотр петербургской ежедневной газеты за 1891 год позволил кое-что уточнить:

По слухам, директор Петербургского Технологического института Н.П. Ильин получает назначение члена мануфактур-совета, на место его называют двоих: помощника его, заслуженного профессора П.Ф. Лабзина или же директора Технологического института в Харькове Кирпичева, бывшего профессора Петербургского Технологического института.

«Новое время», 31 августа 1891 г.

Значит, в начале сентября 1891 года Н.П. Ильин еще пребывал на своем посту, а в ноябре того же года, уже как бывший директор, он принимал поздравления от студентов и преподавателей Технологического института в связи с 50-летием своей профессиональной деятельности.

Кстати, тайный советник Николай Павлович Ильин умер в ночь с 13 на 14 сентября 1892 года, его отпевание прошло в церкви Технологического института, а погребение – на кладбище Новодевичьего монастыря. Об этом сообщалось в траурном объявлении «Нового времени».

Когда Р.Э. Классон уже окончил курс Технологического института и работал в конторе В. Линдлея во Франкфурте, в петербургской газете «Новое время» появилась удивительная публикация под псевдонимом «Практик», которая остро критиковала несовершенные учебные программы сего учебного заведения и выводила из этого обстоятельства причины существенных трудностей при погружении его выпускников в реальную жизнь:

Истинные причины забвения инженер-технологов

В предыдущих номерах «Нового Времени» появлялись указания на те причины, благодаря которым русские инженер-технологи не выдерживают никакой конкуренции в практическом отношении с практиками-иностранцами.^{10}*

Истинная причина несостоятельности технологов кроется в прямом несоответствии теоретических познаний, приобретенных в Технологическом институте, и теми практическими сведениями, которых требует от инженера фабрика или завод и которые должны быть приобретаемы не путем комиссионерского посредничества профессорских сообщений, а путем личного восприятия на месте производства известного фабриката.

Цель настоящего моего сообщения – желание познакомить общество с истинными причинами застоя в спросе на инженер-технологов. Если покойный граф Канкрин, основатель Технологического института, в ответе московским фабрикантам, отказывавшимся принимать на свои фабрики технологов ввиду практической их непригодности, сознавал необходимость усиления практической подготовки технологов еще в то время, когда технологи были образованы почти исключительно на практической почве, то теперь, должно сознаться, мы имеем полное право согласиться с решительным отказом наших фабрикантов принимать на свои фабрики технологов.

* По-видимому, зачином для сей дискуссии послужило большое письмо анонимного корреспондента, которое было опубликовано в «Новом времени» 18 декабря под заголовком «Забывтые инженеры» (вынужденно приводим здесь лишь некоторые выдержки):

<...> В России существуют четыре высших учебных заведения, выпускающие инженер-технологов: два технологических института (Харьковский и Петербургский), Московское техническое и Рижское политехническое училища. Ежегодно из этих заведений выходит до 250 лиц с высшим техническим образованием, с дипломом и даже с ученым знаком. И из этих 250 человек самое большее – человек 100 находит возможность кое-как применять приобретенные знания к делу. Кончают курс и – на все четыре стороны, куда хочешь – туда и иди.

<...> В 1889 году в России (позднейшие цифры еще не опубликованы) насчитывалось, по официальным данным, 22 006 заводов и фабрик. Из них лишь 1 073 управляли русские ученые техники, из остальных же заведующими директорами были так называемые практики. В числе практиков – русских было 20 546, иностранцев – 1 743.

<...> Про наших ученых технологов обыкновенно говорят: да, может быть, теоретически они и прекрасно подготовлены, но с практической стороны иностранцы их значительно превосходят.

19 декабря «Новое время» опубликовало редакционный материал «Почему забыты [русские] инженер-технологи». 20 декабря в газете появилось еще одно «Письмо в редакцию» за подписью «У.», а 21-го – «Об инженерах» за подписью «Х». Ну и завершило сию дискуссию 31 декабря цитируемое здесь письмо под заголовком «Истинные причины забвения инженер-технологов» за подписью «Реалист».

В одном из предыдущих писем, помещенных в «Новом Времени», довольно резонно было замечено, что мы не имеем права требовать от фабриканта добродетелей, убыточных для его выгоды. Вы рекомендуете ему даже взять к себе на фабрику технолога и дать ему жалованье, а ему самому позволить на фабрике привыкать к делу, пока он не ознакомится с делом.

Фабрикант будет прав, если прямо вам ответит, что его фабрика – не школа для инженера, а средство для получения известной прибыли. И фабрикант совершенно прав для того, чтобы ему не навязывать ваших личных, довольно невероятных взглядов.

Школа для инженер-технолога – Технологический институт. Здесь инженер-технолог, пробыв надлежащее количество лет и изучив так же надлежащим образом известную специальность, и, если хотите, удостоенный надлежащего диплома и значка, выходит в практическую жизнь вполне сформировавшимся, вполне готовым вести известное дело и даже стать высшим начальником этого дела – управляющим директором. Нынешняя [же] его школа делает из него жалкого чертежника, говорю – жалкого, так как имею данные, и прямые данные, сказать, что этот чертежник не в состоянии выполнить тех проектов, которые будут предоставлены его самостоятельности и которых он не чертил в институте.

Если вы меня спросите: а как силен он в прочих специальностях? – я прямо и откровенно заявлю вам, что он по выходе из института в практическом отношении – совершенный профан. Сделайте его сейчас же мастером на суконной фабрике, положим, у Торнтонна, он на следующий день сбежит или фундаментально оконфузится. Предложите ему место бумажного мастера, ну, положим, у Варгунина, назначьте ему жалованье и предоставьте ему ответственную часть по этой специальности, и через день после отправки вашего товара покупателю последний прекратит сношения с вашей фабрикой. Всякий фабрикант согласится с приведенным мнением.

Посмотрим же, какова наша теперешняя школа для нашего «инженерного сословия». Для более близкого ознакомления с программой Технологического института я нахожу нужным вдаваться в подробности.

Предметы, преподаваемые в институте, таковы.

1-й курс. Дифференциальное и интегральное исчисление, аналитическая геометрия, начертательная геометрия, физика, химия неорганическая, теоретическая механика, черчение, рисование и богословие.

2-й курс. Интегральное исчисление, аналитическая механика, физика, химия неорганическая, прикладная механика, сопротивление материалов, строительное искусство, архитектура, геодезия. Для химиков 2-го курса (со 2-го курса студенты делятся на химиков и механиков) курс еще более сокращен. Математики (интегральное исчисление) механики не проходят.

Итак, мы видим, что 2 года пребывания в институте потрачены на изучение общеобразовательных предметов и предметов, имеющих техническую тему, например, прикладная механика, сопротивление материалов, строительное искусство, архитектура, но до применения к непосредственной практике – еще очень далеких.

Большая разница – сказать, что толщина стенок парового цилиндра есть 1½ дюйма, и – самому, засучив рукава, как это часто делают иностранцы-англичане и чего как жупела опасаются технологи, начать формовать этот цилиндр. То есть я хочу сказать, что пробыв первые 2 года в институте, я так же чист от практических познаний, как окончивший курс гимназист.

Пойдемте дальше: может быть, есть еще, хотя и поздняя, надежда.

3-й курс. Механическая теория теплоты. Ее приложения к паровым машинам. Паровые котлы, паровые машины, гидравлика, подъемные машины, металлургия, графическая статика, мукомольные мельницы, технология металлов. Затем следуют 7, а в крайности 9 и более (зависит от усердия студентов) листов проектов подъемного крана и 3-х городских домов и каменной лестницы. Предметы все теоретические, как их обыкновенно понимают.

В этих предметах, весьма часто похожих в некоторых частях друг на друга (металлургия, технология металлов и паровые котлы, что, конечно, зависит от обособленности авторов; скажу примерно: в одной квартире, за одной стенкой пишут почти две одинаковые статьи 2 журналиста и, печатая их в одной и той же газете, заставляют читать одного подписчика), трактуется о том:

1) из каких частей состоит известная машина, каким законам подчиняется движущее ее тело;

2) на каких высших соображениях теории основан расчет машины и ее частей.

Единственно практически важный предмет – технология металлов, повествующая о том, как надо взять в руки железо и как ударить по нем молотом, чтобы из него вышел известный предмет. Эта наука имеет экстренное значение для практики по механической специальности. Проекты, не входя в неудовлетворительность их ведения, делающего из студента слепого исполнителя подчас капризных и неосновательных требований руководящего, имеют своим прямым назначением заставить начертить студента в бытность его на 3-м курсе один подъемный кран Фэрберна^{11}, одну каменную лестницу, один деревянный дом, один каменный дом, один оштукатуренный каменный дом.*

На 4-м и 5-м курсе – то же самое, с тою только разницей, что тема для проекта будет другая, а именно:

На 4-м курсе – какой-нибудь паровой котел системы Галловэ. Паровая машина с двумя цилиндрами и парораспределением Мейера. Водяное колесо Понселя^{12**}.

Предметы 4-го курса: паровозы, строительная механика, механическая технология дерева, заводские машины. Технология волокнистых веществ. Гидротехнические сооружения. Предметы описательного характера, то есть компиляция сведений об известном производстве.

Наконец, на 5-м курсе студент, заваленный проектами, обязуется в течение семи учебных месяцев исполнить некоторые работы в механических мастерских, которые открываются в 3 часа пополудни и остаются в его распоряжении до 8 часов вечера. В этот короткий промежуток времени студент обязуется исполнить работы: по слесарному, кузнечному, литейному, токарному, столярному и другим мастерствам. Но исполнение проектов сокращает и этот короткий срок времени.

Такова программа нашего Технологического института. Результаты такого распределения занятий в институте – очевидны. Инженер-технологи не идут в ход. Им дано право возводить фабричные постройки, занимать известные должности, но они

** В гидравлическом поворотном кране колонна составляет одно целое с укосиной и склепывается обыкновенно из железных частей (система Ферберна, 1850 г.). – Из энциклопедической статьи «Кран подъемный»*

*** Французский математик и инженер Жан Виктор Понселе (1788 – 1867) усовершенствовал водяное подливное колесо, доведя его КПД до 55%.*

этим правом не могут воспользоваться, ибо это не в их руках. Причины очевидны. Нерациональная система технического образования есть причина этого зла.

Реалист

«Новое время», 31 декабря 1892 г.

Представляется, что Р.Э. Классон всецело присоединился бы к тезисам, высказанным в письме своего коллеги «Реалиста», но он в это время осваивал во Франкфурте «новые горизонты».

В обоснование этого процитируем почти целиком спич Роберта Эдуардовича, надиктованный машинистке, когда его сын Иван зимой 1918/19 года учился в МВТУ:

Сейчас вопрос о высшем техническом образовании мне представляется чрезвычайно острым. Недавно я видел курс электротехники, который должны изучать нынешние студенты московских высших учебных заведений, и пришел в ужас: целая толстая книга заполнена исключительно математикой, заполнена интегральными и дифференциальными уравнениями, и для того, чтобы постигнуть такую книгу, нужно затратить, по крайней мере, полгода.

Если считать, что в других областях будут предъявлены столь же теоретические курсы и если принять во внимание, что способность студентов воспринимать [знания] не безгранична, то окажется, что у студента голова будет забита всецело уравнениями и не останется ни времени, ни сил для того, чтобы постигнуть то, ради чего изучается самая математика и для чего она является лишь подготовительной ступенью.

Студент за деревьями не увидит леса, за обилием математических формул он не получит представления о материи, не получит представления о той таинственной силе электричества, которой человек пользуется и под влиянием которой, в свою очередь, складывается промышленность и жизнь страны. Задача высших учебных заведений дать студентам, по возможности, глубокое понимание законов физики и химии, понимание законов механики и умение применять их к практическим вопросам.

Будущие инженеры, независимо от специальности, которую они избирают, должны иметь ясное, определенное понятие о законах термодинамики, должны знать свойства важнейших металлов, а не только одни формулы, которые для него не претворяются в жизнь и не ассоциируются ни с какими физическими представлениями.

В этом отношении наши учебные заведения всегда чрезвычайно грешили. Студенты знали отдельные формулы, даже решали задачи, но не видели связи одной науки с другой, не вникали в сущность науки и не осязали, не чувствовали, так сказать, тех сил, которые они изучали. Студент оканчивал высшее учебное заведение, зная бесконечное количество математических формул, но не имея понятия о великих достижениях инженерного искусства, знакомство с которыми могло бы пробудить в нем столь нужный во всяком деле интерес и энтузиазм в своей специальности.

Студент оканчивал высшее учебное заведение, только мельком слыша о том, что такое Панамский канал, совсем ничего не слыша о гигантских сооружениях в области утилизации водяных сил с их огромными плотинами, искусственными озерами, ирригацией и пр. Студент, окончивший электротехнический отдел, никогда не слышал о паровозе, и если бы ему не

приходилось в частной жизни ездить по железной дороге, он даже не знал бы о существовании паровоза и железной дороги.

Вся большая инженерная деятельность последних десятилетий оставалась ему чуждой и незнакомой, он знал лишь свои формулы и, приходя в соприкосновение с действительной жизнью, оказывался совершенно беспомощным и непрактичным, так как он не мог отличить железа от чугуна, антрацита от кокса и лишь по окончании высшего учебного заведения начинал учиться реальной технике, реальному инженерному делу.

ф. 9508 РГАЭ

А в 1897 году профессиональный журнал «Вестник Общества технологов» (№ 6) опубликовал удивительное письмо выпускника Технологички М.В. Лысковского (как и Р.Э. Классон, окончившего железнодорожный отдел механического отделения и примерно в то же время – в конце 1880-х – начале 1890-х) – «Опасное увлечение». Сие письмо страдало некоторым многословием, поэтому мы процитируем его фрагментарно:

<...> Может быть, то, что я скажу, будет неприятно многим и не согласно с общеустановившимся мнением. Может быть, взгляд мой на дело окажется даже и не вполне правильным, предоставлю на суд людей более компетентных. Но я считаю себя нравственно обязанным высказать в данном случае свое мнение, осветить вопрос с той стороны, с которой он, быть может, еще не рассматривался, и принести посильную пользу делу.

Я говорю о том направлении, какое приняло в последние годы исполнение проектных работ студентами С.-Петербургского Технологического института.

Во время моего пребывания в институте (лет десять тому назад) было уже заметно это направление, и по сие время, по-видимому, оно еще существует и даже прогрессирует. <...> Направление это заключается в чрезвычайном стремлении к художественной и бьющей на эффект отделке чертежных работ. Помню, что во время оно я и сам, бывало, иногда увлекался этим, убивал на это массу времени, портил зрение, занимаясь по вечерам при весьма несовершенном бывшем тогда газовом освещении, и тому подобное; а для чего и была ли в этом необходимость, теперь и сам не могу удовлетворительно ответить на это.

Анализируя теперь свой тогдашний образ действий, я должен сознаться, что главною побудительною причиной к тому и главным злом, существующим, как я вижу, и в настоящее время, было установившееся, неизвестно как и когда, конкурирование в отделке чертежей. Естественно, что чертеж, изящно и эффектно разукрашенный, в сравнении с чертежом, лишенным всяких художественных украшений, при прочих равных достоинствах, всегда должен иметь, и действительно имеет, известное преимущество. Что и возбуждает упомянутую конкуренцию, у которой нет и не может быть границ, которая увлекает подобно азартной игре и с каждым годом принимает все большие размеры.

Вот это-то направление в исполнении студентами их проектных работ я и называю «опасным увлечением» и решительно восстаю против него. Казалось бы, однако, что в затрате нескольких лишних часов на отделку чертежа нет еще большого худа, но, надо прибавить, если только от этого не страдает самая суть дела.

К сожалению, на основании моих наблюдений, а также, что грех таить, и по собственному опыту, я должен заметить, что без этого дело редко обходится. И это

почти неизбежно при довольно значительном числе обязательных проектных работ, особенно на последних курсах, и сравнительно небольшом количестве имеющихся в распоряжении времени.

Разберем теперь следующее: необходима ли подобная художественная отделка чертежных работ, исполняемых студентами, есть ли основание ее требовать и требуется ли она профессорам, руководящим исполнением проектных работ.

На I и II курсах института чертежные работы исполняются по строго определенной [учебной] программе и приурочиваются к известным срокам и, по всей вероятности, вследствие этого, насколько я мог заметить, не подвергаются обыкновенно никакой особой отделке, ограничиваясь точным выполнением требуемого программой.

Но с III курса начинается так называемое проектирование – исполнение каждым самостоятельно чертежей на основании произведенных расчетов и данных профессорами условий, и продолжается в IV и V курсах. Тут-то и дается полный простор фантазии и увлечению.

Возьмем для примера архитектурные проекты студентов III курса. Сколько иногда тратится времени на отделку и украшение фасада проектируемого здания, между тем как план и его детали оставляются в стороне и являются нередко слишком мало разработанными и обдуманно. Но правильно ли подобное исполнение проекта?

Не надо забывать, что ведь технолог не художник-архитектор, он и подготовки соответственной к этому не имеет.

Следовательно, нет никакого основания ему стараться непременно подражать заправским специалистам – архитекторам в художественной отделке своего проекта. Не было ли бы более целесообразным главное внимание обратить на составление плана здания, что имеет существенное значение в проекте каждой постройки, подробно разработать детали сооружения и уже на последнее место поставить художественную отделку фасада здания?

Но ведь тогда чертеж не будет бросаться в глаза и будет, пожалуй, хуже других! В этом-то все зло и заключается.

Возьмем технические проекты III, IV и V курсов. Количество их на каждом курсе весьма значительно, а времени крайне мало. Между тем, является все-таки возможным, как показывает практика, и исполнением этих проектов дать удовлетворение художественным наклонностям большинства их составителей.

Достигается это благодаря тому, что студенты работают в чертежных ежедневно с 9 часов утра до 9 вечера при огне, по праздникам, не ходят на лекции и в мастерские, работают нередко дома и по ночам. Словом, все свое время отдают исключительно черчению. Мне кажется это крайне ненормальным. Ничто подобное не могло бы иметь места при более рассудительном отношении к делу.

Что такое составление проекта? Разберем этот вопрос. Мне кажется, что при составлении всякого проекта имеется в виду дать возможному студенту применить к делу полученные им соответственные теоретические сведения. Следовательно, главное в проекте – это расчет. Пояснением и иллюстрацией к этому расчету должны служить чертежи, изображающие в общем виде и деталях проектируемые механизмы, притом исполненные таким образом, чтобы по ним можно было сделать все детали и собрать весь механизм. Такова, по-моему, должна быть задача проектирования.

Между тем, все это: и правильность расчета, и надлежащая детализовка механизма, и ясность чертежа приносятся в жертву для того, чтобы сделать из чертежа эффектную картину, имеющую нередко гораздо более художественное, чем техническое, достоинство. И все это делается, потому что так делают все, что таково общеустановившееся мнение, полагающее одним из главных достоинств проекта художественное исполнение его, что, если отступить от этих традиций, то проект будет казаться хуже других.

Но не надо забывать, что «comparaison n'est pas raison» [(«сравнение – не есть доказательство»)], надо работать самостоятельно и не заботиться о том, «как у других». Достаточно ясно, что требовать подобного рода отделки чертежей и делать ее обязательно совершенно не имеет никакой цели и смысла, и, конечно, никто из профессоров, руководящих составлением проектов, подобные требования к студентам никогда не предъявлял и не предъявляет. Это установилось, повторяю, как-то само собою и с течением времени вошло в обычай.

Далее выпускник Технологички задается вопросом: «Как же теперь помочь делу и дать ему надлежащее направление?». И предлагает некоторые шаги. В частности, начин должен исходить от самих студентов. Но на ненормальность положения дела необходимо обратить внимание, конечно же, и руководителям занятиями и профессорам.

Кстати, М.В. Лысковский упомянул, что еще во время его учебы ставился вопрос об уничтожении так называемых «образцов», т.е. выставяемых для обозрения и руководства наиболее типичных и характерных чертежей проектов предыдущих годов, в числе которых, быть может, совершенно случайно, в большинстве случаев, оказывались чертежи, наиболее эффектно и картинно исполненные.

Сей сюжет может представлять определенный интерес для исследователей истории обучения в высших учебных заведениях России конца XIX века. **Будем надеяться, что если какой-либо ученый заинтересуется оным сюжетом, то он обратится, в том числе, к архивам питерского Технологического института (если они сохранились), среди которых могут обнаружиться и чертежи, выполненные (художественно или не очень) студентом Робертом Классоном.**

Здесь мы попробуем, хотя бы пунктиром, проследить судьбу некоторых коллег Р.Э. Классона по механическому отделению, чтобы впервые заявить об удивительном его везении в части вырливания на этот самый технический mainstream XIX века – электротехнику. И поможет нам в этом все тот же весьма объемистый фолиант «Семидесятипятiletний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I» (СПб, 1903).

Как можно увидеть из «Списка лиц, окончивших полный курс с 1837 по 1903 год (1891 год, механическое отделение)», большинство сокурсников Р.Э. Классона трудилось инженерами-технологами на сталелитейных, пороховых и орудийных заводах, бумагопрядильных мануфактурах и прочих производствах (Карл Карлович Адамецкий, Андрей Александрович Борнеман, Александр Александрович Боровский – до своей смерти в 1903 году, Сергей Александрович Горожанский, Моисей Залманович Персон, Михаил Иванович Плеханов, Василий Петрович Саломатин, Иван Иванович Тиханов, Михаил Константинович Ченцов); в управлениях железных дорог или же в депо, мастерских и других производственных подразделениях Министерства путей сообщения (Евгений Викторович Андре-Димо, Иван Николаевич Булуев, Семен Алексеевич Васильев, Григорий Захарович Виноградов-Никитин, Фаддей Адамович Воллович, Адам Людвигович Гендзель, Михаил Капитонович Двораковский, Петр Григорьевич Облапохин, Николай Михайлович

Осипов, Владимир Осипович Осипов, Петр Иванович Попов, Игнатий Федотович Саваченко – до своей смерти в 1896 году, Казимир Эдуардович Скрутковский).

А, например, Владимир Александрович Гусев, послужив помощником мастера и самим мастером на паровой мельнице Башкирова в Нижнем Новгороде, с 1898 года стал преподавать машиностроение в среднем механико-техническом училище в том же городе. Ну а Леонид Александрович Сахарнов с 1898 года занимал должность фабричного инспектора Владимирской губернии. Преподавали и некоторые другие сокурсники. Например, Павел Семенович Селезнев дослужился к 1903 году до адъюнкт-профессора своей *alma mater*, а заодно преподавал в Институте инженеров путей сообщения. А Александр Александрович Радциг – до и.д. экстраординарного профессора Киевского Политехнического института Императора Александра II. Казимир Михайлович Соколовский с 1902 года занимал должность преподавателя технологии в С.-Петербургском Политехническом институте.

С другим коллегой Роберт Эдуардович мог встречаться во времена своей работы в Баку: Никифор Иванович Козловский (книга дает по нему противоречивую информацию – в одном месте он представлен как окончивший механическое отделение, а в другом как выпущенный с химического отделения) в 1895 году служил старшим контролером по нефтяному акцизу в Баку; с 1896 года преподавал физику и химию в Бакинском техническом училище и руководил вечерними курсами черчения для рабочих Товарищества Бр. Нобель по крайней мере по 1903 год, когда вышла сия книга.

Наиболее близко к «линии жизни» Р.Э. Классона подошел еще один его коллега – Михаил Николаевич Берлов, представленный в книге «75-летний юбилей...» как инженер-электрик; но он так и не стал таковым по существу. Действительно, М.Н. Берлов по окончании курса в Технологическом поступил на оружейный завод Военного Ведомства в С.-Петербурге помощником механика. В 1892 году перешел на Невский механический завод, сперва в техническое бюро, а затем был сборным мастером. В 1894 году перешел снова на службу в Военное Ведомство старшим механиком строительной комиссии по переустройству на бездымный порох Шостенского Порохового завода в Черниговской губернии. По окончании переустройства завода был назначен старшим механиком; в 1896 году оставил службу и для дальнейшего усовершенствования уехал за границу, где, пробыв более года, посетил многие заводы и железнодорожные мастерские для ознакомления с современным оборудованием и машиностроением.

Затем, оказавшись в Льеже (Бельгия), М.Н. Берлов учился в электротехническом институте Монтефиоре, где окончил курс в 1897 году с званием инженера-электрика. Здесь мы вправе были ожидать, что он займется если не сооружением электростанций и электрических сетей, то хотя бы их развитием или, на худой конец, их эксплуатацией. Но не тут-то было!

В начале 1897 года он был приглашен ассистентом по машиностроению в Рижский Политехнический институт, в том же году избран в доценты, а в 1898 году назначен адъюнкт-профессором прикладной механики. В 1903 году читал курсы: деталей машин, механической теории тепла с приложениями, паровозов; руководил проектированием паровозов и паровых машин. Кроме того, с 1898 по 1903 год состоял инженером Риги-Орловской железной дороги по проектированию и разработке технических сооружений. В числе многих работ выполнил: все проекты зданий развития и переделов Двинских мастерских, водоснабжение многих железнодорожных станций, паровозного здания и проч.

А где же применялись знания «инженера-электрика». Может быть, Михаил Николаевич внедрял электрическое освещение при проектировании технических сооружений? В книге

“Из «золотого фонда» Ивановского государственного химико-технологического университета”, Иваново, 2005, где «линия жизни» М.Н. Берлова прослежена до 1921 года, это не обнаруживается. Добавим заодно, что М.Н. Берлов не участвовал и в Электротехнических съездах в отличие от своего и Р.Э. Классона коллеги – Менассия Осиповича Березовского, который с 1894 года служил помощником главного инженера акционерного общества заводов «Сименс и Гальске», а с 1899 года – представителем германского завода «Вольф Магдебург-Букау».

А что же гордость механического отделения выпуска того же 1891 года Давид Гайманович Розенталя, который был занесен на мраморную доску Института? Оказывается, в 1903 году он служил вице-директором фабрики Познанских в Лодзи.

Еврейская энциклопедия дает следующую информацию о работодателе выпускника-отличника Техноложки:

Познанский, Израиль – крупный промышленник; род. в 1833 г. в местечке Александрове Петроковской губернии, умер в 1900 г. В 1872 г. П. основал в Лодзи мануфактурную фабрику, которую в 1889 г. преобразовал в акционерное общество с капиталом в пять миллионов рублей, увеличенном впоследствии до десяти миллионов руб. Фабрика дает работу 7 000 рабочих. В 1885 г. Познанский выстроил и обеспечил еврейский госпиталь; он вообще принимал участие в жизни лодзинской еврейской общины, состоя председателем всех местных благотворительных учреждений.

В общем, Давида Розенталя «поглотила еврейская бизнес-среда».

А в 1907 году он стал жертвой то ли уличного грабителя, то ли террориста:

ВАРШАВА, 10, V. В Лодзи сегодня неизвестный подкараулил на Заходной улице возвращавшегося домой директора фабрики Познанского Давида Розенталя, набросился на него сзади и, обхватив одной рукой за шею, другой кинжалом ударил в грудь против сердца. Убийца скрылся. Труп директора отправлен в его квартиру. Об убийстве администрация фабрики телеграфировала владельцам в Берлин. («Русское слово» за 11 мая 1907 года)

Серьезное исследование «Политические партии России. Анархисты» (М., 1998) уточняет «политическую ориентацию» убийцы и суть конфликта:

<...> Что касается других анархистских групп в Польше, то сведений об их деятельности мы совершенно не имеем; так, в Лодзи анархистам приписывают убийство богатого фабриканта Куницера (1905 г.) и директора фабрики Познанского – Давида Розенталя (1907 г.); последний за несколько дней до смерти получил от «Лодзинской группы анархистов-коммунистов» предостережение, что он будет убит за объявление им локаута.

Польские и еврейские социалистические газеты писали, что на подобные акты способны только «подонки общества»; даже «молодая революционная фракция ППС» [(осколок Польской социалистической партии)] выпустила заявление, в котором порицала убийство директора Розенталя.

И от «гордости Института» осталась в Лодзи лишь могила (если она еще сохранилась), в отличие от Израйла Познанского, который в этом же городе теперь увековечен в бронзе. И в отличие от Роберта Классона, которого тоже увековечили в бронзе (в Электрогорске Московской области).

*Лодзь, памятник трем текстильным фабрикантам:
Израилю Познанскому, Карлу Шрайберу и Людвигу Громанну*

*Пионеры в почетном карауле у памятника Р.Э. Классону,
основателю Электроторска и электростанции, май 1983 г.*

За 30 лет посаженные у памятника елочки выросли в большие деревья (слева направо: Андрей Иванович Классон, Раиса Ивановна Венглинская – жена М.И. Классона, М.И. Классон и Сергей Андреевич Классон), март 2014 г.

И, самое забавное, в весьма объемистом фолианте «Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I» (СПб, 1903) нам удалось обнаружить по нашему герою в «Сведениях об окончивших институт» следующее:

Классон Роберт Эдуардович, инженер-технолог, окончил механическое отделение в 1891 году. В 1899 году был старшим техником московского отдела Общества электрического освещения; с 1900 года по настоящее время состоит [бакинским] директором электротехнических сооружений службы пути и тяги.

Сообщим под конец этого очерка, что, став инженером и получая приличный заработок, Р.Э. Классон вернул матери, как мы уже упоминали, все потраченные на него во время учебы деньги. В России такой подход до сих пор считают скупостью, но на Западе он, напротив, весьма распространен: взрослые дети отдают родителям деньги, которые последние на них тратили, когда они становились на ноги.

Сюжет с «невероятным везением, в части выхода на электротехнику» Роберта Эдуардовича мы окончательно разовьем в следующем очерке – «Везение инженера Роберта Классона».